



Двѣнадцатый годъ.

Показанія участниковъ и очевидцевъ.

I.

Неизвѣстнаго Московскаго обывателя. Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ, съ 1-го по 21 Сентября 1812 года.

1-го Сентября, по счастію моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ *Новой*, что по Троицкой дорогѣ, гдѣ бѣ они дожидались меня. Но ахъ! Сего не случилось: судьба приготавливала мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастіемъ. совсѣмъ неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая переменѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и бесполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ Французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей, укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного Француза, который бѣгалъ, какъ бѣшанный. смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ Французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было семь человекъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на Французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному Французу. Упомянутый непріятель, войдя въ комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчала ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ Россійскихъ и оружія;

потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подаль ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: „домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны“. Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу Французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бы дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что Французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ Французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчивалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ, разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человекъ Французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре Француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, имянно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще въ слѣдъ другіе пять человекъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со

мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей Французъ отводилъ отъ моего дому, говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерокъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четверемъ Французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали мнѣ угрожать опасностію и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугуны готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣсть это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязеными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не Французы жгутъ, а Русскіе. Въ сіе время, т. е., часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронуть моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободясь отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приблизясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ Французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ

и угрожали мнѣ смертію. Родительница, видя сіе мое несчастье, поверглась къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ опасностяхъ, желая сохранить я жизнь свою, всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копѣекъ, кои они брося, начали болѣе мнѣ угрожать смертію и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣннн снхъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей; косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ; находили препятствія отъ лаянія собакъ, не дававшихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріатели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульную и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкъ находятся Французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не выдавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного Француза, идущаго за водою. Поровнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь? Мы, обливая слезами лице наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріатель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре Француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи, мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ Русскихъ, сидящихъ

на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ? На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріатели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ при томъ и то, что у мосту Французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и спрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цирульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дня, сошли сверху два Француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣ, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4-го числа. Непріатели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семь домѣ, видѣли, что все приходили разные Французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда, намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е., на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Віющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные Русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: „Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всеильною десницею и плѣнники, окруженные отвсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти“. Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бѣ изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семь домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ

Полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и циркульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь Французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ Россіянъ учиненныя, стращаль меня и, удара по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю, показывалъ и показывалъ глупую свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностію со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лице было показываемо исполненнымъ сладострастія: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронуть будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ амминеатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Послѣ сего, случившагося со мною, несчастія, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи. Спустя нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріатели для грабежа артелию. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскали и ничего не нашли; только

у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 р. и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, обирали насъ, и все разные непріатели. Приходили еще нѣсколко человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожь послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната заслана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ на счетъ дѣвицы, однакожь рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни, но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство, отпустили, и мы опять на то же мѣсто пришли и усадились по прежнему. Часа черезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ, громко кричалъ: „Прогнѣвался Господь на насъ“, повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лицо свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: „Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: „Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!“; сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ“. При семъ случаѣ пришли къ намъ еще Французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя премоного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать? Я мыслилъ, не хотять ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей, а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы вмѣстѣ съ симъ домомъ сгорѣли. Но мы все ошиблись. Видѣли, какъ выносили одинъ Французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріатели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда, непріатели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и если

бы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурнаго и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось нести мѣшка, а дали намъ нести что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, непонимающіе одинъ другого. Наполненъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицомъ на прочихъ человѣка, который походилъ на Евреянина: волосы у него были темнорусые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною; глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу, поставилъ ведро подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы мнѣ непривольно нести, а самъ обратилъ лице свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лице, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: „О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчастія? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля“. Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски Французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжатъ холодомъ, сѣлъ съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оныя мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ говорили, яко бы онѣ пошли впередъ, изъ чего ясно узналъ ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ Провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотреть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или идти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвѣ рѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной, я обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ идти, наконецъ узналъ, что я у моста Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи салныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая Французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ оттуда и пошелъ куда ему надобно. Слѣдуя за нимъ съ поспѣшностію, уронилъ я двѣ свѣчи и

кричалъ ему, чтобъ онъ остановился; поднимающаго свѣчи ударилъ онъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашель крестъ, сорвалъ и бросилъ. Отъ сего я пришелъ во рвеніе и великій гнѣвъ, и едва изъ себя не вышелъ: хотѣлъ было наступить на него. Но вдругъ мнѣ пришли на мысль малолѣтнія дѣти мои, привелъ я на память опасность жизни и сиротство ихъ, имѣющее произойти отъ непокорности. Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: „Ты нашъ?“ Я сказалъ ему, что Русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: „О, ты голый!“ толкнувъ рукой и удара одинъ разъ палкой, сказалъ: „Поди!“ Отошеша нѣсколько, думалъ я: „Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!“

Наконецъ, рѣшился идти туда же, гдѣ я сухари носилъ. Не болѣе я отошелъ, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой набѣжалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель; я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хотя я ему ничего противнаго не говорилъ, кромѣ словъ: „Дай же мнѣ поднять туфель!“ но онъ думалъ, что я ему противлюсь, оборота ружье, хотѣлъ заколотъ меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростію вынулъ саблю и ударилъ меня по лѣвой рукѣ и по боку такъ жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересѣкъ по поламъ. Снявши съ другой ноги туфель, бросилъ къ нимъ, а самъ пошелъ по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ!“ и проч., и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного Француза. Одно лишь эхо въ ухахъ моихъ было слышно: „Наполеонъ“. Мечталось мнѣ, будто онъ вездѣ ходилъ и мучилъ народъ Христіанскій. Сія мысль происходила отъ бессонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрѣлъ на всѣ стороны заливаясь слезами; не узнавалъ, гдѣ чей домъ былъ. Самыя трубы мнѣ казались за людей или большихъ гигантовъ, будто нарочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видѣ мнѣ сіе представлялось, въ такомъ и описываю. Въ страхѣ человѣку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мѣстопробыванію, увидѣлъ, что одинъ только пепель тлился надъ нимъ. Тогда-то я сказалъ со слезами: „И вотъ мое имѣніе! Вотъ моя и пища! Вотъ, все въ этомъ пеплѣ заключается!“ Легши на него, началъ горько плакать; потомъ всталъ и пошелъ посмотреть, нѣтъ ли кого? И увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ господина Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

По утру 5-ю *Сентября* всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его, узналъ, что онъ былъ Полякъ, и потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка, ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ то же время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичемъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакожь не вставалъ. Они, видя меня не встающаго, начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влѣзли ко мнѣ въ яму, оцупывали меня, ударили и ругали, однакожь оставили. Послѣ ихъ спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ Русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Увидѣвъ золу, еще не простывшую, сѣлъ на нее, но и здѣсь непріятели насъ беспокоили и тревожили; даже ни одной не проходило минуты, чтобы они насъ не обирали. Потомъ по приглашенію нѣкоторыхъ, пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила мнѣ неизвѣстная Нѣмка, знакомая симъ. У ней нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этомъ домъ зажгли, отъ чего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился въ церкви священномученика Власія, пошелъ поклониться ему; но дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго порутчика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу, но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье, и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божию, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлые корочки. Я бралъ оня и дѣлилъ съ нею по поламъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше прѣніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши, благодарили ихъ. Послѣ сего я спрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она рассказывала мнѣ такимъ образомъ: „Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ

слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ по-русски, и велѣлъ намъ за собой итти. Приведши въ домъ, заперъ насъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ уже, а другой: старался всячески оболыцать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха: обратилъ мысли свои на служанку, оставя дѣвицу, взялъ ее и дѣлалъ удовлетвореніе своимъ прихотямъ. Потомъ приходилъ оный же Французъ къ намъ, стращаль насъ, кричалъ: „Подпаливай!“ Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгнать, а насъ отвелъ въ Воспитательный домъ. И сей дѣлалъ предложеніе оной дѣвицѣ, однакожь при мнѣ ничего съ ней не послѣдовало. Оставилъ насъ однихъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дѣлать? Наконецъ я рѣшилася итти и искать тебя, и они за мною въ слѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастію моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія: тогда рѣшительно я имъ сказала: „Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!“ Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой“, и тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобъ мы оставили сіе мѣсто и шли бѣ съ нимъ въ садъ Корсаковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь кое-что сокрыто и тѣмъ самымъ питались, а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви и опять рѣшился итти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ груднымъ ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностію старался убѣжать. Оставивъ меня, непріятель безъ вниманія, приступилъ къ оной женщинѣ, съ ребенкомъ бывшей, снялъ съ нея салопъ, а съ мужа съ рубашку. Спасшись бѣгствомъ отъ непріятели, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшись всѣ въ кучу, чтобъ тѣмъ согрѣть самимъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодого человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашего въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолѣ, и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивши отъ него, дѣлили по поламъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ симъ словами: „О Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ,

чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшія самыя падали“ и заглушалъ оный заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ.

6-ю *Сентября* по утру пришелъ къ намъ будочникъ, Чухонецъ, и садился подлѣ меня; далъ мнѣ для сбереженія въ мѣшечкѣ горохъ сухой и велѣлъ мнѣ ѣсть. Сіе меня обрадовало, и я почиталъ его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосѣда моего учениковъ, приходившихъ ко мнѣ и приносившихъ мнѣ коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіе, берегъ и давалъ малымъ дѣтямъ, а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мнѣ давать, кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣи же наши не преставали насъ беспокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, ничего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня, хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного будочника горохъ. Онъ хотя и не хотѣлъ дѣлать нашимъ товарищамъ, однакожъ, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7-ю *Сентября* рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человекъ, и малыхъ и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собою всѣ вмѣстѣ ѣсть, кто что ни имѣетъ. Приготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностію. Но не долго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: нашло къ намъ народу такого, который нашу связь разстроили, а имянно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другъ у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другъ друга упрекали, словомъ сказать.... Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго дѣйствія и вліянія не имѣли на сердца ихъ. Тихими и скромными они учинялись тогда, когда видѣли непріятелей. Въ сіе священное мѣсто стекаясь, злодѣи обыскивали насъ, такъ какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобъ показали имъ сундучки и ящички. Послѣ сего тотчасъ всѣ бывшіе у насъ ключи мы отобрали и покидали. Видѣли и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на ихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, нѣсколько посмотрѣвъ, опять уходили.

8-ю *числа*, по утру, приходили къ намъ наши Русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя; кто и пошелъ, тотъ едва ли

спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, яко бы нашъ Августѣйшій Императоръ, Александръ Павловичъ, скончался. Сія вѣсть привела насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще большій страхъ.

9-го числа, по утру, началъ я читать канонъ Пресвятѣй Богородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣлъ вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ мнѣ болѣе читать и наполнять душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они надругались надъ святынею; просилъ Бога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моя, и чтобъ не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей моихъ. Сія мысль не только въ этотъ, но и во всѣ дни была у меня.

10-го числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; нечаянно труба упала на нее; едва только успѣли ее исповѣдать, она умерла. Совершивъ надъ нею службу по долгу христіанскому, положили въ погребѣ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бѣжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думая, что мы имущество зарываемъ. Прибѣжавъ, засмѣялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11-го Сентября, всегда по утру, увѣдомляли насъ разные наши Россійскіе новостями, возмущающими только насъ, что мы отчаявались выйти когда нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звѣрообразныхъ неприятели, имѣющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталъ ли онъ что нибудь церковнаго? Но сей священникъ былъ сельскій и неученый, не понималъ ихъ словъ: ставъ у царскихъ вратъ, ожидалъ себѣ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всѣхъ сихъ страховъ страдали мы болѣзнію желудочною; да и нечѣмъ было укрѣпиться нашему желудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли рѣдьку и картофель, да и тотъ трудно было приобрѣтать; когда за нимъ ходили, то попадались Французамъ, одному снесешь: другой заставлялъ. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же Чухонецъ меня не оставлялъ: онъ всегда приносилъ картофель и спасалъ меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ снабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дни по три и болѣе безъ пищи.

12-го Сентября приходили къ намъ нѣкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умѣли говорить по русски и дѣлали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честію Бонапарта? Если бы вы его

встрѣтили со славою и почестями, то не претерпѣли бы такого раззоренія. Но я говорю имъ, что такому завоевателю, каковъ Бонапартъ, не должно бѣ совсѣмъ имѣть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою нибудь честію простой и бѣдный народъ, ничего у себя не имѣющій, кромѣ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видѣли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, былъ великій громъ; мы всѣ пали на колѣни, повергшись предъ престоломъ величества Божія. Діаконъ здѣшній церкви сталъ у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всѣ мы молились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ, чтобъ Всевышній показалъ чудо надъ нашими врагами и рассыпалъ бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили непріатели, изъ коихъ одинъ, войдя въ алтарь, увидѣлъ написанную плащаницу, началъ лобызать ноги тѣла Христова, отъ всего своего сердца припадалъ къ сему образу и дѣлалъ поклоненіе. При наступленіи ночи мы видѣли на небѣ два знаменія, подобныя ракетамъ, стоящимъ очень долгое время безъ всякаго измѣненія, и также тонкія и свѣтлыя какъ пускаютъ ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое нибудь предзнаменованіе? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13-го числа пришли наши Россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всѣ они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одѣтъ рогожей; словомъ, на всѣхъ ничего не было. Если тѣло ихъ покрыто было чѣмъ, то имянно ободранными рубищами. Пришелъ сюда и тотъ самый, кой носилъ со мной сухари и ведро*). Увидѣвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе сего времени, и я узналъ изъ отвѣтовъ его, что онъ былъ въ работѣ у Французовъ; надѣялся, говорилъ онъ мнѣ, что въ домѣ господина моего сокрытая мука будетъ цѣла, но, къ несчастью, все разграблено такъ, что я ничего не нашелъ. Потомъ пришелъ другой мой сосѣдъ, столяръ, увидѣлъ меня въ одномъ кафтанѣ и говорилъ: „У меня есть тулупъ Калмыцкаго мѣха; возьмите его, хотя отъ него и есть смердящій запахъ“. Чему я чрезвычайно обрадовался. Какое же мое удивленіе! Видѣлъ, что оный тулупъ былъ мой; спрашивалъ, какъ онъ къ нему попалъ; онъ отвѣчалъ, что подняли его ученики на улицѣ; надѣвая его на себя, чувствовалъ запахъ весьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые Французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

*) Въ послѣднихъ у Французовъ былъ славный профессоръ геологій Щуровскій, тогда подростокъ. Онъ сказывалъ намъ, что спасся въ домѣ И. П. Тургенева, въ Петровскскомъ переулкѣ, нынѣ Боткина. П. Б.

14-го числа обирали отъ насъ непріатели свѣчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ ночное время, стращали и били насъ.

15-го числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотѣли у нѣкоторыхъ отнимать одежду для подстилки подъ себя, но; видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одѣянiями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. Поутру, очень рано, одинъ Французъ, вставши, увидѣлъ еще товарища своего крѣпко спящаго и унесъ у него сумку. Черезъ нѣсколько времени вставшему сему непріателю сказывали мы, что его товарищъ давно уже ушелъ и взялъ его сумку и ружье, отъ чего онъ началъ плакать, и видно по всему, что онъ сожалѣлъ о сей потерѣ.

16-го Сентября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобъ не заразиться отъ наполненнаго худыми испаренiями мертвыхъ тѣлъ воздуха. Но какъ мы ни думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетъ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ ономъ; также еще посылалъ къ Петру и Павлу на Басманную, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянницу, съ четверыми живущую въ подвалѣ онаго дома, и увѣдомляла меня объ оныхъ.

17-го числа приходя наши Россійскіе, увѣряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ ночное время; днемъ же идти черезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Распросивши подробно о семъ, я рѣшился какъ можно выйти изъ Москвы.

18-го числа опять приходилъ къ намъ Спаса-Песковъ дьячекъ и удостовѣривалъ насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ оную столько жъ разъ возвращался, чѣмъ насъ всѣхъ вывелъ изъ сомнѣнiя и подалъ нѣкоторый лучъ надежды душѣ нашей къ освобожденiю изъ плѣна*). По просьбамъ и убѣжденiямъ нашимъ, взялся онъ насъ выпроводить изъ Москвы, съ тѣмъ только условiемъ, чтобъ не было съ нами женщинъ, такъ какъ онѣ не могутъ: труды великіе и черезъ конхъ бы мы учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рѣшилась остаться, въ томъ намѣренiи, чтобъ въ слѣдъ за нами идти.

*) Сличь книжку С. А. Маслова: Путешествіе въ Москву во время пребыванiя въ одной Французовъ. П. Б.

19-го я и надворный совѣтникъ Шараровъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дѣтина, приуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пищу, вдругъ увидѣлъ я идущую сестру мою родительницы, увидѣлъ и, заливаясь слезами, говорилъ ей, что я сегодняшій день намѣренъ выйти изъ Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положеніи съ моими родными, пошелъ въ настоящую церковь, падалъ предъ Спасителемъ, Божіею Матерью и предъ иконою священномученика Власія. Подходя къ улицѣ Арбатской, увидѣли мы множество Французовъ, ѣхавшихъ съ фурами, и со страха укрывались за трубы, давъ имъ проѣхать. Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса-Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалѣ сгорѣвшаго одного большаго дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотрѣть во все стороны и укрываться отъ злодѣевъ нашихъ. Однакожъ мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встрѣчали ихъ и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далѣе продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Послѣ сего опять попадались намъ на встрѣчу подлѣ Страстнаго монастыря Французы, ѣдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сіп. При сей встрѣчѣ крайне мы опасались, чтобъ не заставили насъ, вмѣсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Бѣжали какъ невозможно скорѣе къ канавѣ и видѣли, что тамъ наши Россійскіе строили на своихъ сгорѣвшихъ мѣстахъ для жилища своего шалаша. Продолжая путь нашъ неудобными мѣстами, наконецъ пришли въ поле, гдѣ была насыяна рѣпа; дѣлали видъ, что мы ее собираемъ; между тѣмъ мало по малу приближались къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхъ и трепетъ обходили оную церковь, и лишь только хотѣли перейти чрезъ валъ, здѣсь имѣвшійся, вдругъ услышали голосъ часоваго Француза, и отъ онаго въ такой ужасъ и робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя во всѣхъ нашихъ членахъ сильное потрясеніе, едва могли приближать въ лѣсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случились мѣста, что принуждены были иногда ползти шаговъ 50 и болѣе. Версты четыре отбѣжавъ, увидѣли вдали везущихъ нашихъ непріятелей снопы: сѣли у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки.

Послѣ сего хотя мы и достигли большаго лѣса, однакожъ часто случалось, что принуждены были итти краемъ онаго лѣса, гдѣ видѣли не болѣе отъ насъ разстояніемъ полуверсты огни и непріятельское войско и всячески старались укрываться, заходя въ чащину лѣса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснѣе

мы шли, хотя еще и не безъ страха. Прошедши 7 верстѣ разстояніемъ отъ Москвы, проводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей, но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкѣ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдѣ лежали чрезъ рѣчку перекладыны. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я, при вспомоствованіи данной мнѣ отъ нихъ палки; за мною и надворный совѣтникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ рѣку, потому что у него не владѣла одна рука. Встаивши его на крутой берегъ, устремлялись далѣе въ путь, между тѣмъ проводники говорили намъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе шли и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдѣ нерѣдко случалось стремглавъ падать. Наконецъ съ великимъ трудомъ вышли на большую дорогу, и провожатые уже здѣсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намѣревались утомленному духу своему дать покой. Они здѣсь рассказывали намъ, что въ семь мѣстѣ наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе, уговаривалъ, чтобъ они поскорѣй отъ онаго мѣста удалились; ибо мнѣ все казалось, что мы еще не ушли отъ нашихъ варваровъ. По совѣту моему они пошли далѣе. Отошедши 20 верстѣ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ итти. Назначенное же нами мѣсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ 5 верстахъ. Въ семь случаѣ я ихъ упрашивалъ нерѣдко отдыхать, и сіи 5 верстѣ мы шли нога за ногу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдѣ дьячекъ не намѣревался еще остаться, но полагалъ свое намѣреніе дойти до села *Медвидкова*, въ коемъ онъ всегда имѣлъ свое мѣстопробываніе. Но я, Шаратовъ и еще третій мужчина остались въ сей деревнѣ и едва могли себя найти для успокоенія нашего квартиру въ 5-мъ домѣ. Вошедши въ домъ хозяина, увидѣли здѣсь нашихъ солдатъ раненныхъ, ушедшихъ же изъ плѣна. Сіи добрые хозяева, видя насъ изнемогшихъ отъ голода, натирали рѣдъки, дали хлѣба, потомъ молока, и сего пищею укрѣпясь, мы успокоились. На другой день по утру опять насъ снабжали они хлѣбомъ, и мы, укрѣпивши себя онымъ, пошли въ село *Пушкино*. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и не рѣдко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидѣлъ я лающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрѣтясь со мною, одинъ человекъ побѣжалъ отъ меня, думая, что я Французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборонилъ отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникѣ, о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ; онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что жены моей нѣтъ. Сіе слово поразило меня точно громовой ударъ. Далѣе продолжалъ онъ

рѣчь, что была здѣсь какая-то женщина съ малолѣтними дѣтьми и уѣхала, не знаетъ куда. Потомъ я его просилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику; нашедшему мнѣ мѣстопробываніе его, сказывали мнѣ хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просилъ сего человѣка, чтобъ проводилъ онъ меня до того мѣста. Увидѣвши меня родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговорѣ, товарищи ко мнѣ пришли и говорили мнѣ, что время отправиться изъ сего мѣста. Но я уже далѣе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здѣсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на другой уже день; въ половинѣ дня пошли мы въ село *Пушкино* и, купя тамъ баранины, возвратились опять въ *Кудрино*. На другой день звалъ онъ меня въ деревню *Новую*, разстояніемъ въ 4 верстахъ. Въ семь хотя я и отказывался, чувствуя расслабленіе въ ногахъ, однакожь пошелъ, и пришелъ съ нимъ въ самый тотъ домъ, гдѣ моя была жена съ малолѣтними дѣтьми. Распрашивалъ я здѣшнихъ жителей о своей женѣ, и они мнѣ съ великою жалостію говорили, что ваша жена отъ страха, каковой былъ въ то время, едва ли не растеряла дѣтей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себѣ великій ударъ и нѣкоторую перемѣну; однакожь скоро опять пришелъ въ прежнее спокойствіе, скидывалъ свои деньги, вѣсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмѣнъ лаптей, и послѣ сего легъ спать. Проснувшись по утру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла итти съ великою скоростію, то и нерѣдко сѣтовалъ на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую Лавру наканунѣ празднованія Чудотворца Сергія. Отдохнувши здѣсь нѣсколько, пошли опять въ путь и, отойдя 10 верстъ, ночевали. На другой день едва могъ я продолжать путь отъ чрезмѣрнаго изнуренія; однакожь вознамѣрился итти до самаго Переяславля.

Въ семь городѣ попались намъ попутчики, ѣдущіе за хлѣбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довести до Ростова. Отъ сего я въ себѣ чувствовалъ легость и получилъ слабымъ моимъ силамъ нѣкоторую бодрость, сходилъ въ монастырь поклониться мощамъ Святителя Димитрія. Пробывши здѣсь нѣсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 верстъ, ночевали. На ночлегѣ здѣсь ночевали съ нами вмѣстѣ и рекруты, изъ коихъ я примѣтилъ одного съ неумѣренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду, изъ устъ его извергались сквернословія даже и на насъ. По утру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно

его старался сберець и удалять отъ излишняго употребленія вина: въ противномъ случаѣ обоцется, если ему будетъ дана воля, что въ самомъ дѣлѣ и случилось: услышали мы на дорогѣ о смерти сего молодого человѣка и крайне сожалѣли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли мы попутчика. Доѣхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдѣ видѣли покойнаго принца и великую княгиню Екатерину Павловну. Послѣ сей церковной церемоніи, сошли мы на берегъ рѣки Волги, гдѣ увидѣли многихъ сающихся въ лодку и ѣдущихъ, иныхъ въ Нижній Городъ, другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину лодки, чтобы онъ насъ посадилъ до Костромы. По привѣту его мы тотчасъ рѣшились сѣсть въ его лодку и ѣхали всѣ ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ беспокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою, часто набѣжали на пески, стояли на одномъ мѣстѣ иногда часа по два и болѣе, беспокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думая я, находившись въ страхѣ съ товарищами своими, доѣхать до Костромы. Но, при помощи Божіей, пріѣхали мы въ оный городъ и крайне радовались. благодаря Бога за спасеніе нашея жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили нѣсколько сбитню для отогрѣнія себя, и хотя искали въ семь городѣ общаго нашего благодѣтеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встрѣчавшагося съ нами народа, гдѣ его находится мѣстопребываніе. Часто останавливаемы были здѣшними жителями и спрашиваемы были отъ нихъ о родѣ нашемъ, и состояніи, и извѣстности. И мы, отвѣчая имъ краткими словами, бѣгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ былъ. Наконецъ попался намъ такой человѣкъ, который зналъ домъ нашего благодѣтеля и привелъ насъ въ оный.

Боже мой! Какое зрѣлище! Увидѣлъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ снѣдаемой печали, совершенно перемѣнившася, спрашивала меня о своей родительницѣ, о домѣ и имѣніи. Я же, на вопросы ея никакого не давая отвѣта, спрашивалъ: живы ли малолѣтнія мои дѣти? И вдругъ она побѣжала въ комнаты и, не допуская меня по причинѣ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнѣ моего сына. О! Да умолкнетъ здѣсь языкъ мой! Не въ состояніи я теперь описать ту радость, кою я чувствовалъ отъ чрезвычайной радости. Увидя моего малолѣтнаго сына, держа его на рукахъ въ безпамятствѣ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рѣчью неоднократно: „Тятя!“ Отъ сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясая и заливаясь необычайно слезами, ласкалъ его, про-

ливая слезы отъ радости; между тѣмъ мать принесла мнѣ маленькую дочь мою, и та утѣшила своею нѣжною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дѣтей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надѣюсь, Владыко мой, что не допустишь насъ скитаться и терпѣть нужду. Ты Сердцевѣдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе! Вотъ, читатель мой, какою я былъ тогда наполненъ мыслию. Черезъ два дни желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашель я благотворителя, кой, меня не выдавши, прислалъ мнѣ 25 рублей. Вотъ какое Господь попеченіе прилагаетъ о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлѣба! Нѣтъ ни одного несчастнаго плѣнника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примѣромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встрѣчалось опасностей, сколько видѣлъ я отъ непріятелей страховъ и ужасовъ, но Господь не попустилъ мнѣ погибнуть вѣчно! Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели, прославьте вкупѣ и вы со мною Бога, живущаго на небесахъ! Любезные соотчичи, не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему, черезъ что сами избѣгнете бѣдности, и никогда не будете упрекать совѣсть свою, которая насъ часто толкаетъ при встрѣчѣ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дѣлать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицомъ къ лицу Бога и истину.

(Изъ I-й книги Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей 1859 года, куда сообщено было княземъ М. А. Оболенскимъ).



II. Показанія сержанта Наполеоновой гвардіи Бургонья¹⁾.

14-го Сентября²⁾, въ часъ пополудни, пройдя большой лѣсъ, мы увидѣли издали возвышенность, къ которой и подошли черезъ полчаса. Первые изъ насъ, достигшіе самой вершины ея, показывали знаками и кричали бывшимъ позади: „Москва! Москва!“

И, дѣйствительно, это былъ онъ, великій городъ, открывшійся передъ нами въ отдаленіи. Въ немъ рассчитывали мы отдохнуть отъ усталости нашей, такъ какъ мы, императорская гвардія, только что сдѣлали, безъ отдыха, переходъ въ тысячу двѣсти миль.

Былъ чудный теплый день; солнце играло на куполахъ, на колокольняхъ и золоченныхъ дворцахъ. Всѣ видѣнныя мною столицы, какъ Парижъ, Берлинъ, Варшава, Вѣна, не вызывали во мнѣ никакого особеннаго чувства; здѣсь-же, напротивъ, я, какъ и всѣ прочіе, увидѣли что-то волшебное. Забыты были, въ эту минуту, всѣ несчастія, опасности, утомленія, лишенія; думалось только объ удовольствіи попасть въ Москвѣ на хорошія зимнія квартиры, заняться побѣдами и другаго рода (таковъ ужъ нашъ братъ Французъ-войска: отъ битвы къ любви, отъ любви въ сраженіе).

Пока мы стояли въ созерцаніи Москвы, пришелъ приказъ переодѣться въ парадную форму. Я, въ этотъ день, былъ съ 15 солдатами въ передовомъ отрядѣ, и мнѣ поручили охрану нѣсколькихъ офицеровъ, оставшихся плѣнными послѣ большой битвы подъ Москвою; изъ нихъ

¹⁾ Извлечено изъ пятаго изданія книги: *Mémoires du sergent Bourgogne*. Paris. 1909. Бургонъ, сынъ купца, не былъ зараженъ чванствомъ своихъ соотечественниковъ и къ Русскимъ относился съ добродушіемъ. П. Б.

²⁾ Т. е. 2-го Сентября по новому счету; день вступленія Французовъ въ Москву приходился въ Понедѣльникъ, на память мученика Маманта и преподобнаго Іоанна-Постника. П. Б.

нѣкоторые говорили по-французски. Между этими плѣнными былъ также одинъ *попъ* (священникъ Греко-россійской церкви), по всему вѣроятію какой нибудь полковой. Онъ тоже хорошо изъяснялся по-французски, но казался болѣе грустнымъ и озабоченнымъ, чѣмъ его товарищи по несчастью. Многіе изъ насъ обратили вниманіе на то, что всѣ плѣнные, поднявшись на вершину холма, поклонились, перекрестившись нѣсколько разъ. Я подошелъ къ священнику, прося его объяснить, что они этимъ хотѣли выразить. „Гора, на которой мы стоимъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, называется „*Поклонной*“, и каждый настоящій Москвичъ, при видѣ святого города, долженъ поклониться и перекреститься“.

Вслѣдъ затѣмъ мы спустились съ холма и черезъ четверть часа достигли воротъ города.

Императоръ былъ уже тамъ съ главнымъ штабомъ. Мы сдѣлали тутъ привалъ, во время коего я замѣтилъ, что близко отъ насъ, влѣво отъ города, было большое кладбище. Послѣ нѣкотораго выжиданія, явился къ Императору генералъ Дюрокъ, только что проникнувшій въ городъ, и представилъ ему нѣсколькихъ обывателей, говорившихъ по-французски. Императоръ предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ. Затѣмъ маршалъ доложилъ его величеству, что въ Кремль засѣло много вооруженныхъ людей, что болшею частью это выпущенные изъ тюремъ преступники, и что они стрѣляли по кавалеріи Мюрата, шедшей въ авангардъ; не смотря на неоднократныя требованія, они упорствовали и не открывали воротъ. „Такъ пусть пушечными выстрѣлами откроютъ ихъ и очистятъ весь Кремль!“ приказалъ Императоръ.

Приказаніе было немедленно выполнено взявшимся за это Мюратомъ. Послѣ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ вся засѣвшая въ Кремль чернь разсѣялась по городу, и Мюратъ могъ продолжать двигаться, тѣсняя собою аріергардъ Русскихъ.

Тутъ загремѣли всѣ барабаны гвардіи, сопровождаемые командою: „*garde à vous*“, что и было сигналомъ для вступленія въ городъ. Время было три часа дня; мы подвигались тѣсной колонной, взводами, съ музыкою, во главѣ войскъ. Авангардъ, къ которому я принадлежалъ, состоялъ изъ 30 человекъ, подъ командой поручика нашей роты Серрари. Едва мы вступили въ предмѣстье, какъ увидѣли многихъ изъ Кремля. Лица ихъ были ужасны; вооруженіе ихъ состояло изъ ружей, копей и вилъ. Только что мы перешли мостъ, соединявшій предмѣстье съ городомъ, какъ къ полку, изъ подъ моста, приблизился какой-то человекъ, закутанный въ одежду изъ бараньей кожи, перетянутой

ремнемъ; его длинныя сѣдые волосы спускались по плечамъ, а такая же густая борода доходила до пояса. Онъ былъ вооруженъ вилою о трехъ зубцахъ и въ общемъ напоминалъ Нептуна, выходящаго изъ волнъ. Въ такомъ-то видѣ онъ смѣло приблизился къ тамбуръ-мажору, показывая, что съ него хочетъ начать избіеніе. Быть можетъ, онъ принималъ его за генерала по его галунамъ и блестящей одеждѣ; онъ замахнулся на него вилами, но тамбуръ-мажоръ, по счастью, отвелъ ударъ, вырвалъ у него смертоносное оружіе, схватилъ его за плеча и здоровымъ пинокомъ сбросилъ подъ мостъ въ воду, откуда за минуту передъ тѣмъ онъ появился; его увлекло теченіемъ и, показавшись немного на поверхности воды, онъ вскорѣ скрылся навсегда.

Къ намъ подходили еще и другіе и стрѣляли въ насъ; у нѣкоторыхъ были ружья съ деревяннымъ ложемъ. Такъ какъ они никого не ранили, то мы ограничились тѣмъ, что вырвали у нихъ ружья, переломали ихъ, а когда кто снова подходилъ къ намъ, мы отдѣлывались отъ нихъ ударами ружейныхъ прикладовъ въ спину. Часть ихъ оружія была изъ Кремлевскаго арсенала; оттуда же были и ружья съ деревяннымъ ложемъ, которыя, пока они новы, ставятъ обыкновенно въ козлы. Мы слышали, что эти же негодяи пытались убить одного изъ офицеровъ Мюратова штаба.

Перейдя мостъ, мы продолжали двигаться по большой, прекрасной улицѣ. Насъ удивляло, что никто не показывался намъ; не видно было ни единой даже дамы, которыя захотѣли бы послушать нашей музыки, игравшей пѣснь: „*la victoire est à nous!*“ Мы не знали, чему приписать эту тишину. Подумали, было что обыватели города, не смѣя показаться на улицахъ, смотрятъ на насъ изъ за занавѣсокъ своихъ оконъ; но видѣли только кое-гдѣ нѣсколько слугъ въ ливреяхъ, да нѣсколько Русскихъ солдатъ.

Послѣ часового перехода мы очутились возлѣ первой ограды Кремля, но тутъ намъ велѣли взять на лѣво, и мы вступили въ улицу еще болѣе широкую и красивую, чѣмъ та, по которой мы шли передъ этимъ. Она вела на губернаторскую площадь. Когда колонна приостановилась, мы увидѣли трехъ дамъ у окна перваго этажа*). Я стоялъ на тротуарѣ близъ одной изъ этихъ дамъ; она подала мнѣ кусокъ хлѣба, чернаго какъ уголь, и съ соломою. Я поблагодарилъ и, въ свою очередь,

*) Тутъ же, у ген.-губернаторскаго дома, спасалась отъ Французовъ и начинавшася пожара наложница Ивана Алексѣевича Яковлева (иностранка, кажется, Еврейка) Луиза Ивановна съ пяти-мѣсячнымъ ребенкомъ своимъ, будущимъ А. И. Герценомъ П. Б.

предложилъ ей кусокъ бѣлаго хлѣба, только что взятаго у маркитантки нашего полка, у тѣтки Дюбуа. Дама покраснѣла, а я засмѣялся; тогда она, не знаю зачѣмъ, коснулась моей руки. Я пошелъ далѣе.

Наконецъ, мы пришли на губернаторскую площадь, гдѣ и выстроились передъ дворцомъ Растопчина, губернатора города, того самаго, который приказалъ его сжечь. Тутъ намъ объявили, что весь полкъ нашъ будетъ въ караулѣ и чтобы, поѣтому, никто не смѣлъ отлучаться. ни подъ какимъ предлогомъ. Однакожъ, это не помѣшало тому, что, часъ спустя, вся площадь была завалена всевозможными припасами, какихъ только желали: винами всѣхъ сортовъ, ликерами, вареньемъ, большимъ количествомъ головъ сахару; муки оказалось мало, а хлѣба и вовсе не было. Входили въ домъ, на площадь, попросить чего нибудь поѣсть и попить, а какъ никого не находили въ нихъ, то и принялись хозяйничать сами; а ужъ чтѣ лучше этого!

Караулъ нашъ мы поставили подъ большими воротами дворца*), съ правой стороны которыхъ была на столько большая комната, что вмѣстила въ себѣ всѣхъ часовыхъ и нѣсколько Русскихъ офицеровъ, только что захваченныхъ въ городѣ (бывшихъ же у насъ прежнихъ плѣнниковъ намъ приказано было оставить за городомъ). Губернаторскій домъ большихъ размѣровъ и совсѣмъ на Европейскій ладъ. Въ глубинѣ большой двери, по правой ея сторонѣ, двѣ широкія лѣстницы соединялись въ одну, которая вела во второй этажъ; въ немъ былъ большой залъ, съ овальнымъ столомъ по срединѣ, а на внутренней его стѣнѣ висѣла большая картина, изображавшая императора Александра на лошади. Позади губернаторскаго дома былъ обширный дворъ со службами.

Черезъ часъ послѣ нашего прихода на площадь, начался пожаръ. Мы замѣтили сперва густой дымъ съ правой стороны, а потомъ и вихрь пламени, но не знали причины этому. Намъ объяснили, что горитъ на базарной площади, гдѣ средоточіе всей торговли; приписывали пожаръ мародѣрамъ нашей арміи, вѣроятно, по неосторожности, заронившимъ огонь, когда они искали по лавкамъ съѣстныхъ припасовъ.

Многіе, не участвовавшіе въ этой кампаніи, приписываютъ гибель нашей арміи пожару Москвы; но я, со многими другими, не раздѣляю этого мнѣнія. Русскіе легко могли, не сжигая города, увезти съ собою или побросать въ Москву-рѣку всѣ съѣстные припасы, опустошить мѣстность на десять миль въ окружности, чтѣ, при малозаселенности

*) Т. е. съ Чернышевскаго переулка. П. Б

страны, не трудно было сдѣлать, и, тогда, недѣли черезъ двѣ, намъ пришлось-бы уходить. Для размѣщенія всей арміи оставалось достаточно жилищъ и послѣ пожара; допустимъ даже, что всѣ дома сгорѣли, но вѣдь погреба остались цѣлы!—Въ семь часовъ огонь показался позади губернаторскаго дома, и тотчасъ появившійся къ караулу полковникъ приказалъ нарядить патруль изъ 15 человѣкъ, подъ командой поручика Серрари. Мы направились въ сторону огня, но не успѣли сдѣлать и триста шаговъ, какъ насъ встрѣтили ружейными выстрѣлами, направленными на насъ справа. Мы не обратили на это большаго вниманія, думая, что стрѣляли пьяные солдаты арміи; но шаговъ черезъ пятьдесятъ, изъ какого-то глухого переулка, снова раздалась въ насъ выстрѣлы, и въ эту-же минуту близъ меня былъ раненъ одинъ изъ нашихъ (пуля попала въ бедро, но рана не была опасна) и два новыхъ выстрѣла, съ того же мѣста, не заставили насъ измѣнить наше намѣреніе изслѣдовать на мѣстѣ домъ, откуда въ насъ стрѣляли, какъ намъ казалось. Подойдя къ двери его, мы ее взломали и нашли за ней девять человѣкъ громаднаго роста, вооруженныхъ копьями и ружьями; негодяи бросились на насъ, не допуская насъ идти далѣе. Тотчасъ завязался бой на дворѣ. Силы были не равны: насъ было 19 противъ 9; но мы опасались, что ихъ тамъ окажется больше, поэтому уложили трехъ первыхъ, подвернувшихся подъ наши удары. Одинъ капраль получилъ ударъ копьемъ между кожанной аммуниціей и своей одеждой и, не почувствовавъ раны, выхватилъ копье у своего противника, бывшаго много сильнѣе его, такъ какъ онъ, капраль, имѣлъ свободно одну только руку, держа другою ружье. Его силою приперли къ двери подвала, но и тутъ онъ не выпускалъ копья и былъ сраженъ двумя ударами штыка, а другому нашъ офицеръ саблею отсѣкъ руку, не хотѣвшую выпустить копья. Послѣ этого у другого были сломаны ноги.

Мы и не прикоснулись къ нимъ. Желаніе наше вернуться на губернаторскую площадь встрѣтило, къ великому изумленію нашему, препятствіе отъ сильно распространившагося огня. Пламя, перебросившись съ правой стороны на лѣвую, образовало огненный сводъ, подъ которымъ намъ пришлось бы идти. Сильный вѣтеръ и кое-гдѣ провалившіяся уже крыши лишали насъ возможности идти по этому пути и заставили взять по направленію къ той сторонѣ, откуда раздалась вторые выстрѣлы; къ несчастью, нашъ проводникъ не понималъ, чего мы хотѣли. да и вообще глядѣлъ скорѣе медвѣдемъ, нежели человекомъ.

Пройдя шаговъ двѣсти, мы увидѣли вправо отъ себя улицу, но прежде чѣмъ повернуть въ нее, полюбопытствовали осмотрѣть домъ, изъ котораго въ насъ стрѣляли. Наружный его видъ былъ очень красивъ. Нашего плѣнника мы заставили войти туда первымъ, а сами послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, и едва приняли эту предосторожность, какъ услышали тревожные крики и увидали нѣсколько человѣкъ, спасавшихся съ зажженными факелами въ рукахъ. Пройдя большой дворъ, мы увидѣли передъ собой великолѣпный дворецъ, принятый нами, издали, за обыкновенный домъ. У входа во дворецъ мы поставили двухъ часовыхъ, для предупрежденія, въ случаѣ опасности, и вопли, зажегши бывшія при насъ свѣчи. Я впервые видѣлъ жилище съ такимъ богатымъ и роскошнымъ убранствомъ, какъ то, которое представилось нашимъ взорамъ *). Особенно хороша была коллекція картинъ Фламандской и Голландской школъ. Между всѣми этими богатствами больше всего привлекъ наше вниманіе громадный ящикъ, наполненный оружіемъ необычайной красоты, которое мы и расхватили въ одинъ мигъ. Я завладѣлъ парюю пистолетовъ для сѣдла, кобура которыхъ была отдѣлана жемчугомъ и драгоценными камнями; взялъ еще и машинку для опредѣленія силы пороха.

Около часу расхаживали мы по обширнымъ, богатымъ покоемъ совершенно незнакомаго намъ расположенія, какъ, вдругъ раздался страшный взрывъ, подъ тою частью дворца, въ которой мы находились. Сотрясеніе было настолько сильно, что мы уже считали себя погибшими подъ развалинами дворца. Мы поспѣшили съ большой осторожностію спуститься въ нижній этажъ, гдѣ къ нашему удивленію не нашли поставленныхъ нами часовыхъ. Послѣ долгихъ поисковъ мы, наконецъ, увидѣли ихъ на улицѣ, куда, какъ они объяснили намъ, они бросились спасаться, думая, что весь домъ обрушится.

Прежде чѣмъ уходить, мы хотѣли узнать причину взрыва, приведшаго насъ въ такой ужасъ. Войдя въ столовую, мы увидѣли, что потолокъ ея провалился вмѣстѣ съ висѣвшей на немъ хрустальной люстрой, разбившейся на мелкіе осколки: оказалось, что Русскіе не брезгали никакими средствами для истребленія врага и положили гранату въ изразцовую печку.

Въ то время, какъ мы еще ходили по дому раздались крики нашихъ часовыхъ: Пожаръ! Горимъ! Дѣйствительно, черный дымъ валилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; за нимъ показалось красное пламя, и въ одну минуту все зданіе запылало; а вскорѣ затѣмъ провалилась вся его крыша, увлекая за собой больше его трети.

*) Не домъ ли это князя Ю. В. Долгорукаго (нынѣ Вельтищева)? П. Б.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, мы вышли на широкую, длинную улицу, по обѣимъ сторонамъ которой стояли прекрасные дома. Эта улица должна была-бы вывести насъ къ мѣсту, откуда мы пошли; но нашъ проводникъ-каторжникъ ничего не могъ намъ указать, и единственная польза намъ отъ него была въ томъ, что онъ нѣсколько разъ несъ на себѣ нашего раненаго, когда силы ему измѣняли. По пути нашемъ мы встрѣчали нѣсколько человѣкъ съ длинными бородами и мрачными лицами, которыя, отъ несомыхъ ими пылавшихъ факеловъ, дѣлались еще ужаснѣе. Мы не препятствовали имъ идти, не зная ихъ намѣреній.

Встрѣченные нами гвардейскіе стрѣлки сообщили намъ, что городъ поджигаютъ сами Русскіе, что и возложено на только что повстрѣчавшихся намъ людей. Черезъ минуту мы захватили трехъ подобныхъ несчастныхъ, въ то время, какъ они поджигали церковь. Двое изъ нихъ бросили факелы и пустились бѣжать, а третій, напротивъ, старался привести въ исполненіе свое намѣреніе; но ударъ по головѣ ружейнымъ прикладомъ былъ достойнымъ возмездіемъ за его упорство.

Тутъ намъ встрѣтился патруль изъ стрѣлковыхъ, сбившихся, какъ и мы, съ дороги. Сержантъ, ведшій этихъ стрѣлковъ, сказалъ мнѣ, что между попадавшимися имъ поджигателями былъ такой, что ему пришлось отрубить кисть руки, изъ которой онъ не хотѣлъ выпустить факель, а затѣмъ и приколоть его, такъ какъ онъ пытался схватить факель лѣвой рукой, чтобъ продолжать поджоги.

Немного дальше мы услышали крики нѣсколькихъ женщинъ, призывавшихъ на помощь, по-французски, и подумали, не маркитантки-ли это нашей арміи, захваченныя за одно съ Русскими. Мы тотчасъ вошли въ домъ, откуда неслись крики, и увидѣли, войдя въ него, много различныхъ костюмовъ, которые показались намъ очень богатыми. Тутъ вышли къ намъ двѣ дамы съ растрепанными волосами и въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 12—15. Онъ сталъ насъ умолять защитить ихъ отъ солдатъ Русской полиціи, хотѣвшихъ сжечь ихъ жилище, не давъ имъ времени вынести ихъ имущество, между которымъ была тога Цезаря, каска Брута и латы Іоанны д'Аркъ. Дамы объяснили намъ, что онѣ Француженки: актрисы, что мужей ихъ силой заставили выѣхать съ Русскими. Мы остановили поджогъ ихъ дома, полицейскихъ, въ числѣ четырехъ, захватили и привели къ нашему полку, все еще расположенному на губернаторской площади, которой мы достигли послѣ столькихъ затрудненій въ 2 часа утра и съ противоположной стороны, откуда выходили.

Полковникъ нашъ, узнавъ о нашемъ возвращеніи, тотчасъ явился выразить намъ свое недовольство и потребовалъ отчета за время нашей отлучки. Когда мы ему доложили о приведенныхъ съ собой плѣнникахъ, о нашемъ раненомъ и обо всѣхъ опасностяхъ, которымъ мы подвергались съ первой же минуты нашего выхода, онъ порадовался возвращенію, такъ какъ страшно беспокоился за насъ.

Бросивъ взглядъ на площадь, гдѣ расположился нашъ полкъ, можно было подумать, что на ней представители народностей со всего свѣта, такъ какъ солдаты наши были одѣты въ разныя платья Калмыковъ, Китайцевъ, Казаковъ, Татаръ, Персовъ, Турокъ. Нѣкоторые же имѣли на себѣ дорогіе мѣха или Французское придворное платье, съ шпагою на боку, рукоятка которой блестѣла какъ алмазь. Самая площадь была нагромождена всевозможными сластями, винами и ликерами въ большомъ количествѣ, множествомъ окороковъ и огромныхъ рыбъ; свѣжаго же мяса и муки было очень мало, а хлѣба и совѣмъ не было.

15 числа, на другой день послѣ нашего прихода, полкъ нашъ къ девяти ч. утра двинулся съ губернаторской площади къ Кремлю, куда только что переѣхалъ Императоръ.

Такъ какъ я еще не кончилъ моего суточного дежурства, то былъ оставленъ въ губернаторскомъ домѣ съ 15-тью другими. Часовъ въ десять, я увидѣлъ подъѣхавшаго верхомъ генерала, и мнѣ показалось, что это былъ генералъ Пернети *). Онъ гналъ передъ своею лошадыю какого-то человѣка еще не стараго, одѣтаго въ тулупъ, подпоясанный краснымъ шерстянымъ поясомъ. Генералъ спросилъ меня, не я ли начальникъ караула и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Хорошо! Отдайте-же сейчасъ приказъ покончить съ этимъ человѣкомъ штыками; я его только что захватилъ; когда онъ поджигалъ домъ, въ которомъ я живу“.

Я немедленно нарядилъ четырехъ человѣкъ для приведенія въ исполненіе этого приказа. Но Французскому солдату претять подобныя казни, и удары, наносимые ему, не прокалывали даже его тулупа. Мы, конечно, спасли бы ему и жизнь въ виду его лѣтъ и малаго сходства съ прежними каторжниками; но генералъ оставался все время при исполненіи и уѣхалъ только тогда, какъ увидѣлъ, что несчастный упалъ, сраженный ружейнымъ выстрѣломъ. Это одинъ изъ нашихъ захотѣлъ лучше сразу покончить съ нимъ, нежели видѣть

*) Начальникъ пѣшей артиллеріи императорской гвардіи.

его страданія отъ ударовъ штыками. Тѣло его такъ и осталось на площади.

Спустя нѣкоторое время, подошелъ къ намъ житель города, по происхожденію Французъ изъ Парижа, и сталъ просить у меня охраны принадлежавшихъ ему бань, которыя подверглись опасности поджога. Четверо изъ отпущенныхъ съ нимъ солдатъ скоро вернулись сообщить мнѣ, что когда они подошли къ банямъ, все это громадное зданіе уже пылало.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ казни человѣка, приведеннаго генераломъ Перетти (я впоследствии убѣдился, что это былъ именно онъ) мои люди, державшіе караулъ, пришли мнѣ сказать, что какая-то женщина, проходившая черезъ площадь, увидя трупъ убитаго нами, бросилась къ нему, стараясь объяснить намъ, что онъ ей кто-то близкій. Я подошелъ ближе; она держала на колѣняхъ голову умершаго, котораго цѣловала, гладила рукой по лицу и, при этомъ, глаза ея оставались сухи. Я не могъ долго смотрѣть на бѣдную, такъ у меня сердце обливалось кровью при видѣ этого зрѣлища, и я велѣлъ ей войти въ караулную, гдѣ и предложилъ стаканъ ликеру. Она опорожнила его съ удовольствіемъ, какъ и всѣ послѣдующіе, которыми мы ее угощали, и объявила намъ, что останется ждать, когда, по прошествіи трехъ дней, ея покойникъ воскреснетъ, раздѣляя въ этомъ убѣжденіе Русскихъ простолюдиновъ. Въ концѣ концовъ, она крѣпко заснула на диванѣ.

Къ пятому часу наша рота, назначенная снова въ караулъ, возвратилась къ намъ на площадь, и я, вмѣсто ожидаемаго отдыха, былъ опять дежурнымъ на цѣлые сутки. Части нашего полка, какъ и гвардіи, были заняты тушеніемъ пожара близъ Кремля; онъ затихалъ на время, но только для того, чтобъ возобновиться съ удвоенной силой.

По возвращеніи роты на площадь, нашъ капитанъ выслалъ патрули въ разныя части города, и тѣ, которые пошли снова къ банямъ, не замедлили вернуться: когда они прибыли туда, все зданіе рухнуло съ невѣроятнымъ трескомъ, и искры, далеко разносимыя восточнымъ вѣтромъ, распространяли пожаръ по разнымъ направленіямъ. Весь вечеръ и часть ночи наши патрули то и дѣло приводили къ намъ захваченныхъ ими Русскихъ солдатъ, которыхъ пожаръ заставлялъ покидать домъ, гдѣ они скрывались. Въ числѣ ихъ привели двухъ офицеровъ: одного армейца, другого ополченца. Первый допустилъ обезоружить себя, не сдѣлавъ никакого возраженія и попросивъ оставить ему золотую медаль висѣвшую у него на груди; второй-же не

позволялъ снять съ него оружіе, а у него, кромѣ сабли, былъ еще поясъ наполненный патронами. Онъ хорошо изъяснялся по-французски и настаивалъ въ своихъ доводахъ на сохраненіи своего оружія, говоря, что онъ состоитъ въ ополченіи; но мы заставили его тутъ же понять и наши доводы.

Въ полночь пожаръ показался снова около Кремля, однако удалось потушить его. Но 16-го, въ три часа утра, онъ возобновился съ большей силой.

Въ эту ночь, съ 15 на 16, у меня съ двумя моими товарищами-сержантами явилось желаніе пройтись по городу и побывать въ Кремлѣ, о которомъ мы столько слышали. Мы отправились въ путь, взявъ трехъ солдатъ нашей роты и снабдивъ ихъ свѣчами, для осмотра погребовъ и жилищъ господъ Москвичей. Въ факелахъ для освѣщенія дороги не было надобности. Хотя мои спутники ходили уже два раза по дорогѣ къ Кремлю, но такъ какъ пожаръ заваливалъ цѣлыя улицы и все мѣнялось, то мы скоро сбились съ пути. Пробродивъ порядочно, безъ всякаго направленія, мы встрѣтили, по счастью, Еврея, который, видя, какъ горитъ его синагога, гдѣ онъ былъ раввиномъ, рвалъ на себя волосы и бороду; онъ объяснилъ намъ, по-нѣмецки, что ему съ двумя Евреями было поручено спасти изъ ихъ храма самую святую драгоценность, которая, увы! погибла. Мы постарались утѣшить этого сына Израиля и попросили его проводить насъ къ Кремлю.

Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ этотъ Еврей, не смотря на свое несчастіе, не преминулъ спросить у насъ, не имѣемъ-ли мы чего продать или вымѣнять. Полагаю, что онъ предложилъ намъ этотъ вопросъ только въ силу привычки. Какаѣ же купля-продажа была возможна въ такое время!

Мы прошли нѣсколько кварталовъ уже достигнутыхъ пожаромъ, но нѣкоторыя прекрасныя улицы еще не были тронуты огнемъ, и мы вышли, наконецъ, на небольшую, но возвышенную площадку, недалеко отъ Москвы-рѣки, откуда Еврей обратилъ наше вниманіе на Кремлевскія башни, которыя были видны какъ бы среди бѣла дня: такъ пламя озаряло ихъ. Здѣсь мы сдѣлали маленькую остановку, чтобъ побывать въ погребкѣ, откуда вышло нѣсколько гвардейскихъ улановъ. Мы взяли тамъ вина, сахару, варенья и надѣлили также всѣмъ этимъ Еврея, который, подъ нашимъ прикрытіемъ, могъ это пронести. Мы подошли къ первой оградѣ Кремля, когда уже разсвѣло, и вошли въ ворота изъ дикаго камня съ небольшою надъ ними колокольней въ честь святителя Николая, изображеніе котораго нахо-

дилось подъ воротами, на лѣво отъ входа. Оно было не менѣе 6 футовъ въ вышину и въ дорогій ризѣ. Всякій проходившій тутъ Русскій поклонялся ему, будь-то послѣдній каторжникъ. Святителя Николая Русскіе считаютъ своимъ главнымъ покровителемъ *).

За первой стѣной мы взяли направо, съ трудомъ пробираясь по улицѣ, гдѣ пожаръ нагромоздилъ много преградъ, достигнувъ и до нѣкоторыхъ домовъ, занятыхъ маркитантками нашей гвардіи. Наконецъ, мы увидѣли передъ собою высокую Кремлевскую стѣну съ большими башнями и съ золочеными орлами на верхушкахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Пройдя черезъ высокіе ворота, мы очутились на площади противъ дворца. Императоръ поселился въ немъ только наканунѣ, проночевавъ 14 и 15 въ предмѣстьи. Мы встрѣтили тутъ друзей изъ перваго стрѣлковаго полка, державшаго караулъ у дворца, и были зазваны ими позавтракать. Они угостили насъ превосходнымъ мясомъ, котораго мы уже давно не ѣли, и чудесными винами. Еврей, котораго мы все еще не отпускали отъ себя, вынужденъ былъ, не смотря на все свое отвращеніе, ѣсть заодно съ нами и испробовать даже окорока; но нужно прибавить, что стрѣлки, у которыхъ было много серебра въ слиткахъ, захваченныхъ ими въ огромномъ количествѣ съ Монетнаго двора, посулили ему сдѣлать на нихъ обмѣнъ у него. Слитки же были въ добрый кирпичъ и такой-же формы!

Было около полудня, и мы еще сидѣли съ нашими друзьями за столомъ, прислонившись къ огромнымъ пушкамъ, стоявшимъ по обѣ стороны дверей Арсенала, выходящаго своимъ переднимъ фасадомъ къ дворцу, какъ вдругъ услышали: „къ ружью!“ Горѣло въ Кремлѣ! Черезъ минуту, пылающія головни стали падать во дворъ, гдѣ стояла гвардейская артиллерія со всѣми своими повозками по близости которыхъ лежала куча пакли, оставленная Русскими, и частію уже пылавшая. Опасенія взрыва вызвали сумятицу, особенно изъ за пребывавшаго въ Кремлѣ Императора, котораго это, такъ сказать, и понудило выѣхать отсюда.

Мы тутъ-же простились съ друзьями нашими и отправились на соединеніе съ полкомъ, мѣсто нахождения котораго мы указали нашему проводнику. Онъ захотѣлъ провести насъ къ полку ближнимъ путемъ, но пламя преградило намъ входъ въ улицу взятаго имъ направленія. Пришлось остановиться и выждать возможности идти далѣе, такъ какъ въ эту минуту все пылало вокругъ Кремля, и порывами вѣтра, дувшаго съ необычайной силой, намъ бросало подъ ноги горя-

*) Сержантъ перезабылъ и перенуталъ Сласскіе ворота съ Никольскими. Вообще же онъ довольно вѣренъ въ описаніи мѣстностей.

щіе обломки зданій. Мы вынуждены были укрыться въ подвалѣ, гдѣ уже сидѣли многіе. Оставались мы тамъ довольно долго, а когда наконецъ могли выйти, то намъ встрѣтились гвардейскіе полки, шедшіе размѣститься вокругъ Петровскаго дворца, куда переѣхалъ Императоръ. Въ Кремлѣ былъ оставленъ только первый баталіонъ 2-го стрѣлковаго полка, охранявшій дворецъ отъ пожара, такъ какъ Императоръ 18 снова поселился въ немъ. Я забылъ сказать, что принцъ Невшательскій, захотѣвшій своими глазами убѣдиться, насколько силенъ пожаръ вокругъ Кремля, поднялся съ однимъ офицеромъ на плоскую крышу дворца, откуда порывомъ вѣтра чуть было не снесло ихъ.

Пожаръ все усиливался. Свободнымъ проходомъ былъ единственно тотъ, по которому только что выѣхалъ Императоръ. Мы пошли ему вслѣдъ и скорѣ оказались на берегу Москвы-рѣки. Мы слѣдовали вдоль набережной, рѣшивъ свернуть съ нея, когда найдемъ улицу, гдѣ пожаръ не такъ силенъ, или же такую, которая уже совсѣмъ выгорѣла. Та, по которой только что проѣхалъ Императоръ, сдѣлалась непроходимой отъ обрушившихся на ней домовъ.

Наконецъ, мы очутились въ мѣстности сплошь засыпанной пепломъ, гдѣ нашъ Еврей оказался въ большомъ затрудненіи разобрать, какая улица должна была вывести насъ къ губернаторскому дому. Мы повернули въ другую сторону, такъ что Кремль остался влѣво отъ насъ. Пепелъ засыпалъ намъ глаза; сапоги наши начинали тлѣть отъ листовъ горячаго желѣза, по которымъ приходилось идти и отъ золы, покрывавшей землю. Мы проходили улицу за улицей и вдругъ попали на одну съ совершенно выгорѣвшей правой стороной. Оказалось, что это былъ Еврейскій кварталъ, гдѣ только и были деревянные низенькіе домишки, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ послѣ пожара*). Когда нашъ проводникъ увидѣлъ это, онъ лишился чувствъ. Мы поспѣшили освободить его отъ его ноши и влить ему въ ротъ нѣсколько капель ликеру, которымъ смочили ему и голову. Когда онъ пришелъ въ себя, мы стали его спрашивать, отчего ему сдѣлалось дурно. „Да вѣдь здѣсь былъ и мой домъ!“ отвѣчалъ онъ намъ, „и вся моя семья вѣрно погибла съ нимъ!“ Говоря это, онъ снова упалъ безъ чувствъ. Мы вынуждены были оставить его безпомощнымъ, но не знали, что дѣлать безъ проводника, среди такого лабиринта. Рѣшили продолжать путь, а ношу Еврея взвалили на одного изъ нашихъ солдатъ. Но скорѣ, новое препятствіе остановило насъ. Пространство, шаговъ въ триста, отдѣлявшее насъ отъ слѣдующей улицы, сдѣлалось непроходимымъ отъ носившейся въ воздухѣ горячей золы, грозившей ослѣпить насъ. Пока

*) Заряде у стѣны Китая-города. П. Б.

мы разсуждали, какъ быть, одинъ изъ моихъ товарищей предложилъ пробѣжать стрѣмглавъ это опасное мѣсто.

Я совѣтовалъ лучше пообождать, въ чемъ соглашались со мной всѣ прочіе. Но подавшій первое мнѣніе не далъ намъ и опомниться, какъ бросился впередъ во весь духъ, крича: „кто мой, тотъ за мной!“ За нимъ послѣдовалъ другой мой товарищъ съ двумя солдатами, у котораго была ноша изъ трехъ бутылокъ вина, пяти флаконовъ ликеру и фруктовъ въ сахарѣ. Они не пробѣжали и тридцати шаговъ, какъ первый бросившійся впередъ, ослѣпленный наносимой золою, растянулся во всю, но тотчасъ былъ поднятъ товарищемъ, а солдаты закрыли себѣ лицо руками, чѣмъ и спасли себѣ глаза. Упавшій кричалъ и ругался какъ чортъ; его пришлось вести, такъ какъ онъ ничего не видѣлъ; но оказалось солдатамъ такъ же невозможно двигаться впередъ, какъ и вернуться ко мнѣ. Проходъ дѣлался все болѣе и болѣе опаснымъ, и я только черезъ часъ рискнулъ присоединиться къ нимъ. Ослѣпленный товарищъ, которому я успѣшилъ промыть глаза виномъ, прибѣгъ, до моего прихода, для промытія глазъ къ тому средству, которое ему дала природа. Мы рѣшили, что менѣе опасно вернуться, чѣмъ идти дальше и, для защиты себя съ той стороны откуда вѣтеръ гналъ на насъ пламя и пепель, мы придумали защищать себя листьями согнутаго желѣза, держа ихъ обѣими руками надъ головой, на лѣвомъ плечѣ. Мы двинулись подъ прикрытіемъ этихъ щитовъ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, и со всевозможными предосторожностями, чтобъ не быть раздавленными. Впереди шелъ солдатъ, за нимъ я велъ за руку почти ничего не видѣвшаго товарища, а остальные шли за мной. Съ большими затрудненіями, нѣсколько разъ чуть не сшибленные съ ногъ, мы вышли, наконецъ, на новую улицу, гдѣ увидѣли много Еврейскихъ семействъ и нѣсколько Китайцевъ, сидѣвшихъ на корточкахъ и стерегшихъ то небольшое, чтò успѣли они снасти или стащить у другихъ. Они разглядывали насъ съ любопытствомъ какъ первыхъ, вѣроятно, Французовъ, попавшихъ въ ихъ кварталъ.

Мы подошли къ одному Еврею и объяснили ему, что онъ долженъ вывести насъ на губернаторскую площадь. Онъ пошелъ съ нами, взялъ съ собой и сына своего. Обошедъ много пылавшихъ или завалившихъ своимъ паденіемъ домовъ, съ величайшими трудностями и частыми остановками для передышки, намъ удалось, наконецъ, выбраться изъ этого огненнаго лабиринта, и въ одиннадцать часовъ ночи достигнуть площади, съ которой мы вышли еще наканунѣ.

Со дня вступленія въ Москву я, такъ сказать, еще не отдыхалъ, и потому бросился на чудные мѣха, принесенные нашими солдатами въ большомъ количествѣ, и проспалъ до семи часовъ утра.

Наша рота еще не была снята съ дежурства, такъ какъ всѣ полки, не исключая стрѣлковыхъ, и даже молодая гвардія, бывшая въ распоряженіи только что назначеннаго губернаторомъ города, маршала Мортъе, непрерывно, трое сутокъ, тушили пожары въ разныхъ частяхъ Москвы. При всемъ этомъ, домовъ все-таки сохранилось болѣе даже чѣмъ требовалось для нашего размѣщенія. Пожары усиливались вслѣдствіе распоряженія Растопчина о вывозѣ всѣхъ пожарныхъ трубъ; хотя и нашлось ихъ нѣсколько, но негодныхъ къ дѣйствию.

16 числа былъ отданъ приказъ разстрѣливать всѣхъ поджигателей, что тотчасъ и было приведено въ исполненіе. Недалеко отъ губернаторской площади находилась другая, нѣсколько меньше¹⁾; на ней разстрѣляли нѣсколько поджигателей и повѣсили потомъ ихъ трупы на деревьяхъ. За этимъ мѣстомъ такъ и осталось навсегда названіе „площадь висѣльниковъ“ (la place des pendus).

Въ первый же день нашего вступленія въ Москву, Императоръ повелѣлъ маршалу Мортъе не допускать грабежа, о чемъ и было сообщено во всѣ полки. Но, когда стало очевиднымъ, что Русскіе сами поджигаютъ городъ, уже не было никакой возможности сдерживать солдатъ: каждый бралъ себѣ въ чемъ нуждался, а частенько и то, что ему ни на что не годилось. Въ ночь на 17, капитанъ разрѣшилъ мнѣ взять десять человѣкъ изъ рабочей команды, при сабляхъ, и идти отыскивать съѣстные припасы. Онъ послалъ еще 20 человѣкъ за тѣмъ же, но въ другую сторону, такъ какъ, хотя мародерство или грабежъ (называй какъ хочешь) и было дозволено, но при условіи соблюденія при этомъ возможнаго порядка²⁾. Вотъ такъ-то мнѣ пришлось и третью ночь бродить.

Широкая улица, на которую мы пошли, прилежала къ губернаторской площади и хотя она дважды загоралась, но мы ее отстояли, и на ней размѣстились многіе изъ начальствующихъ и множество чиновъ арміи. На нѣкоторыхъ улицахъ, которыми намъ пришлось идти, лежали только листы желѣза съ крышъ; золу же смелъ бушевавшій наканунѣ вѣтеръ.

Подвигаясь далѣе, мы пришли въ кварталъ вполне пощаженный огнемъ, съ мертвой въ немъ тишиной, гдѣ увидѣли много экипажей безъ лошадей³⁾. Подошедъ къ нимъ, мы нашли ихъ простыми, но не

¹⁾ Страстная площадь П. Б.

²⁾ Наши солдаты называли грабежъ города „Ярмаркой Москвы“ („la foire de Moscou“). *Примѣчаніе автора.*

³⁾ Каретный рядъ. П. Б.

успѣли мы отойти, какъ съ двухъ разныхъ сторонъ разнесся дикій крикъ. Мы стали прислушиваться, но крики не повторились, и мы рѣшились войти въ домъ, гдѣ, казалось намъ, мы найдемъ, что намъ было нужно. Я взялъ съ собой пять человѣкъ солдатъ, а капралъ остальныхъ; всѣ были съ зажженными фонарями и съ саблями на голѣ.

Домъ, въ который я направился, былъ запертъ, и дверь его, къ досадѣ нашей, была на желѣзныхъ запорахъ. Взламывать ее мы не хотѣли, чтобъ не привлечь шумомъ вниманія къ себѣ. Тутъ мы замѣтили, что дверь отъ подвала, выходящаго на улицу, не заперта; двое изъ людей тотчасъ же спустились въ него и нашли тамъ творило, откуда былъ ходъ въ домъ, куда они и вошли и отперли намъ запертую дверь. Оказалось, что мы попали въ бакалейный магазинъ. Все было въ нетронутомъ порядкѣ, за исключеніемъ столовой, гдѣ на столѣ оставлено было вареное мясо, а на сундукѣ лежалъ мѣшокъ съ тяжелыми монетами, который, вѣроятно, хозяева не успѣли или не захотѣли унести.

Осмотрѣвъ весь домъ, мы рѣшили сдѣлать себѣ здѣсь хорошій запасъ изъ найденной въ немъ муки, масла, сахару, кофе и особенно яицъ, которыхъ была цѣлая бочка, переложенныхъ овсяной соломой. Въ то время, какъ мы выбирали себѣ товаръ, безъ препирательствъ о цѣнѣ, считая себя въ правѣ забирать, что хотѣли и что все равно ежеминутно могло сгорѣть, мнѣ пришли сказать отъ имени нашего капрала, что домъ, въ который онъ попалъ, оказался домомъ каретника, и что онъ нашелъ тамъ тридцать съ лишнимъ маленькихъ изящныхъ экипажей, которые Русскіе называютъ „drouschki“ (дрожки) и что въ этомъ же домѣ они нашли нѣсколько Русскихъ солдатъ, лежавшихъ на циновкахъ. Ихъ такъ испугало появленіе Французовъ, что они стали, скрестивъ руки, на колѣни и молили о пощадѣ. Капралъ (какъ добавилъ его посланный) видя, что они отъ тяжелыхъ ранъ не въ силахъ были достать себѣ воды, велѣлъ ихъ напоить и оказать возможную помощь; въ ихъ положеніи намъ нечего было ихъ опасаться.

Я тотчасъ отправился къ каретнику, чтобъ выбрать себѣ двѣ маленькія очень удобныя телѣжки, на которыя могъ уложить всѣ забранные нами припасы и облегчить себѣ этимъ ихъ доставку. Я заглянулъ и къ раненымъ; ихъ было 17 человѣкъ; изъ нихъ 5 гвардейскихъ канонировъ съ переломленными ногами и нѣсколько Азіятовъ, которые сразу выдѣлялись по тому, какъ они кланялись. Когда я вышелъ отъ каретника, мнѣ попались три человѣка; одинъ былъ вооруженъ копьемъ, другой саблей, а третій держалъ горящій факель въ рукѣ и

поджигаль домъ бакалейщика, не примѣченный нашими людьми, которыхъ я тамъ оставилъ усердно занятыхъ разборомъ и упаковкою товара. Мы закричали на этихъ мошенниковъ, думая испугать ихъ; но, къ удивленію нашему, ни одинъ изъ нихъ не двинулся даже съ мѣста, а вооруженный копьемъ вызывающе смотрѣлъ на насъ, ожидая нашего нападенія. Но чтò мы могли предпринять съ одними нашими саблями? Въ это время подошелъ капралъ съ двумя пистолетами, найденными въ комнатѣ у раненыхъ. Одинъ изъ нихъ онъ далъ мнѣ, а изъ другаго хотѣлъ выстрѣлить въ державшаго такъ гордо свое копье; но я остановилъ его, боясь, что на шумъ выстрѣла на насъ выйдетъ еще больше враговъ.

Въ числѣ нашихъ людей былъ одинъ Бретанецъ. Онъ схватилъ дышло, сталъ имъ быстро размахивать во всѣ стороны и сразу переломилъ обѣ ноги ошеломленному врагу, незнакомому съ этимъ способомъ сражаться. Падая, онъ не успѣлъ еще разъ вскрикнуть, какъ новый ударъ Бретанца сразилъ его по головѣ, не хуже пушечнаго ядра. Онъ хотѣлъ такимъ же образомъ покончить съ остальными двумя, но мы остановили его. Человѣкъ, державшій факель, никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ руки и скрылся съ нимъ въ домъ бакалейщика, куда погнались за нимъ двое изъ нашихъ солдатъ, которымъ и удалось справиться съ нимъ сабельными ударами. Чтò касается третьяго, добровольно сдавшагося, то мы его тотчасъ впрягли въ самую тяжелую телѣжку, вмѣстѣ съ только что схваченнымъ на улицѣ другимъ человекомъ.

Мы снарядились въ путь, нагрузивъ наши двѣ телѣжки всѣмъ, чтò нашли въ бакалейной лавкѣ. Въ первую, запряженную двумя Русскими, мы поставили ящикъ съ яйцами, а чтобъ наши возницы не могли сбѣжать, мы ихъ предусмотрительно связали вмѣстѣ за пояса крѣпкой веревкой и двойнымъ узломъ; ихъ кладь была много тяжелѣ второй телѣжки, въ которую мы впрягли четверыхъ нашихъ людей, пока не найдемъ возможности замѣнить ихъ Русскими.

Въ минуты нашего выѣзда, мы увидѣли пожаръ въ домѣ каретника. Мысль, что находящіеся тамъ несчастные раненые неминуемо погибнуть въ страшныхъ мученіяхъ, заставила насъ остановиться, чтобъ оказать имъ помощь. Оставивъ трехъ солдатъ охранять наши повозки, мы въ одну секунду прибѣжали къ раненымъ и перенесли ихъ въ каретный сарай, стоявшій подале. Больше мы не могли ничѣмъ имъ помочь.

Исполнивъ этотъ долгъ человѣколюбія, мы поспѣшили выступить, чтобъ не дать пожару, показывавшемуся уже во многихъ мѣстахъ,

преградить намъ путь. Но мы не отошли и двадцати шаговъ, какъ услышали отчаянные крики только что перенесенныхъ нами раненыхъ. Мы снова остановились, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Капраль, отправившійся къ раненымъ съ четырьмя солдатами, нашелъ ихъ въ страхѣ: большой запасъ загорѣвшей соломы могъ перенести огонь и до мѣста, гдѣ они лежали. Капраль сдѣлалъ все что оказалось возможнымъ для предохраненія ихъ отъ огня; но вѣроятнѣе всего, это не спасло ихъ отъ гибели.

Затѣмъ мы двинулись въ путь и, боясь быть настигнутыми пожаромъ, подгоняли запряжку нашей первой телѣжки ударами саблей плашмя. Тѣмъ не менѣе намъ не удалось избѣжать его и, подойдя къ мѣстности, недалеко уже отъ губернаторской площади, мы увидѣли, что чудная улица, гдѣ размѣстилось наше начальство, вся была объята пламенемъ. Это третій разъ, что ее поджигали, но уже и въ послѣдній. Когда мы вступили въ эту улицу, то разглядѣли, что были промежутки между пылавшими домами, дававшіе возможность, пріостановясь на нихъ, пробѣжать бѣглымъ шагомъ опасныя мѣста. Первые-же дома на этой улицѣ еще совсѣмъ не горѣли.

Миновавъ ихъ, мы остановились передъ тѣми, которые горѣли, чтобъ осмотрѣться, можно-ли пробѣжать мимо нихъ, не подвергая себя опасности, такъ какъ многіе дома съ минуты на минуту могли рушиться и погребсти насъ подъ развалинами. Между тѣмъ, нельзя было намъ оставаться въ нерѣшимости, такъ какъ домъ, только что пройденные нами, уже занялись и мы были окружены огнемъ со всѣхъ сторонъ, такъ что намъ предстояло пробѣжать опасныя мѣста подъ огненнымъ сводомъ. Рѣшили, что пустимъ напередъ впряженныхъ въ телѣжку Русскихъ, но не могли принудить ихъ къ этому, даже сабельными ударами; тогда наши солдаты, везшіе вторую телѣжку, бросились впередъ и, подбодря другъ друга, довольно счастливо пробѣжали самое опасное мѣсто. За ними послѣдовали тогда и Русскіе, подгоняемые нашими ударами и боявшіеся подвергнуться еще худшему, если останутся. Они закричали: „Houga!“ что означаетъ у нихъ: „впередъ!“ и, не обращая вниманія на нестерпимый жаръ и на преграждавшую имъ путь всевозможную мебель, быстро пробѣжали залитое пламенемъ пространство. За телѣжками бросились и мы всѣ и очутились на перекресткѣ четырехъ широкихъ улицъ, охваченныхъ уже пожаромъ, который не поддавался обильно лившемуся въ то время дождю и истреблялъ цѣлыя улицы.

Намъ было необходимо поскорѣе присоединиться къ нашему полку, а между тѣмъ путь снова былъ прегражденъ, и намъ пришлось, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, вернуться на только что оставленное мѣсто, гдѣ и переждать, пока пожаръ не очиститъ намъ какой нибудь улицы. На этотъ разъ, Русскіе добровольно бросились первыми въ путь, и только что мы вступили за ними въ этотъ опасный переходъ, какъ раздался оглушительный трескъ отъ падавшихъ сводовъ, балокъ и крышъ, подъ которыми и погибла вся наша нагруженная телѣжка, не исключая и впряженныхъ въ нее. Не рассчитывая увидѣть ихъ болѣе, мы очень пожалѣли о пропавшихъ запасахъ, особенно объ яйцахъ. Я не въ состояніи описать критическое положеніе, въ которомъ мы очутились, среди огня и безъ возможности спастись отъ него. По счастью, переулочъ, на который мы вернулись, былъ довольно широкъ и, стоя по срединѣ его, мы были укрыты отъ пламени и могли ждать, когда представится какой нибудь безопасный проходъ.

Выжидая этой благопріятной минуты мы замѣтили, въ одномъ изъ угольныхъ домовъ переулка, Итальянскую кондитерскую, и, не смотря на опасность погибнуть въ огнѣ, намъ неудержимо захотѣлось попытаться проникнуть въ нее, чтобъ захватить разныхъ вкусныхъ сластей, еслибъ таковыя нашлись. Дверь въ кондитерскую оказалась запертою, но во второмъ этажѣ стояло открытымъ окно. Приставили къ нему лѣсенку, найденную тутъ же, но она была коротка; тогда мы подставили подъ нее кадку, удлинившую ее настолько, что наши солдаты взобрались по ней и черезъ окно проникли въ домъ. Ихъ не остановило и то, что половина зданія уже пылала. Мы вошли въ кондитерскую черезъ отпертую намъ солдатами дверь и, къ великому удивленію, увидѣли, что изъ нея ничего не было унесено, такъ что мы нашли много фруктовъ въ сахарѣ, ликеровъ, головы сахару и три большихъ мѣшка муки, чему мы особенно обрадовались. Судите-же о нашемъ еще большемъ удивленіи при открытіи банокъ съ горчицей изъ Парижа, съ адресомъ на нихъ: Rue Saint-André des Arts № 13!

Такъ какъ дождь не переставалъ, то мы сдѣлали себѣ изъ воротъ дома защиту отъ него и простояли на такъ устроенномъ бивакѣ часа четыре, все поджидая возможности двинуться далѣе. А тѣмъ временемъ мы пекли себѣ алады съ вареньемъ. Когда же могли, наконецъ, сняться съ бивака, то понесли съ собой все, что могли, а телѣжку съ мукой оставили подъ охраной пяти солдатъ; ее пока было невозможно везти, такъ какъ всѣ улицы были загромождены поломанной и полуобгорѣлой, но прекрасной мебелью всякаго рода, роялями, хрустальными люстрами и другими предметами роскоши.

Миновавъ, наконецъ, площадь висѣльниковъ, мы въ 10 ч. утра нашли свою роту, оставленную нами ровно сутки тому назадъ. Не теряя времени, мы отрядили десять человекъ за всѣмъ оставленнымъ нами на площади. Они вернулись черезъ часъ, и помимо всего, что они сами несли, имъ удалось дотащить и телѣжку, не смотря на всѣ препятствія. То мѣсто, гдѣ погибла первая телѣжка съ двумя везшими ее Русскими, имъ пришлось расчищать для того, чтобъ пройти, и они отрыли подъ обломками совершенно обгорѣвшіе и скорченныя трупы этихъ несчастныхъ.

Въ этотъ же день, 18 числа, мы были сняты съ караула на площади и могли размѣститься по квартирамъ, близъ первой Кремлевской стѣны, на прекрасной улицѣ, больше чѣмъ на половину пощаженой пожаромъ. Нашей ротѣ назначили помѣщеніе въ большой кофейной, въ одномъ изъ залъ которой стояло два билліарда, тотчасъ же разобранные солдатами для бѣдшаго простора (нѣкоторые поназдѣлали себѣ шинелей изъ билліарднаго сукна). Намъ-же, сержантамъ, отвели барскій домъ, рядомъ съ кофейной. Въ погребахъ дома, занятого ротою, мы нашли много винъ, Ямайскаго рому и доброе количество бочекъ прекраснаго пива, обложенныхъ льдомъ, чтобы сохранять его холоднымъ. Мы отыскали въ нашемъ барскомъ домѣ 15 ящиковъ игристаго Шампанскаго и много Испанскихъ винъ. Въ тотъ же день солдаты наши нашли лавку полную сахара, котораго мы сдѣлали себѣ такой запасъ, что его достало намъ на пунишъ на все время, пока мы не оставили Москвы. А мы не пропустили и дня, чтобъ не побаловать себя имъ, и варили его по вечерамъ въ большой серебряной чашѣ, которую хозяинъ дома вѣроятно забылъ взять съ собой. Она вмѣщала до шести бутылокъ. Къ этому мы имѣли еще цѣлый рядъ трубокъ и превосходный табакъ.

19-го числа Императоръ производилъ намъ смотръ въ Кремлѣ, передъ дворцомъ. Въ этотъ же день, вечеромъ, я получилъ приказъ участвовать въ отрядѣ, составленномъ изъ стрѣлковъ, егерей, гренадеровъ и эскадрона Польскихъ уланъ, въ числѣ 200 человекъ. Намъ ввѣрена была охрана отъ пожара лѣтняго дворца Императрицы*), находившагося на одной изъ окраинъ города. Если не ошибаюсь, отрядомъ командовалъ генералъ Келлерманъ. Мы выступили въ 8 ч. вечера и черезъ полтора часа подошли ко дворцу, показавшемуся мнѣ съ Тюлерійскій; но только онъ былъ деревянный, съ оштукатуркой подъ

*) Не это ли Головинскій дворецъ Екатерины Великой, о которомъ она переписывалась съ архитекторомъ княземъ Макуловымъ и который нынѣ занятъ первымъ и вторымъ кадетскими корпусами? П. Б.

мраморъ. Мы тотчасъ размѣстили наружный караулъ, а передъ самымъ дворцомъ поставили усиленный и, для большей безопасности, послали и патрули въ разѣздъ. Меня назначили съ нѣсколькими солдатами осмотрѣть, не спрятался-ли кто внутри дворца. Это назначеніе дало мнѣ преимущество передъ прочими, для тщательнаго осмотра этого чуднаго дворца, убранаго со всѣмъ блескомъ и богатствомъ Европы и Азіи. Видно было, что на его украшеніе ничего не пожалѣли, а между тѣмъ не прошло и часу, какъ отъ всего этого великолѣпія не осталось и слѣда. Не смотря на всѣ принятыя нами мѣры, дворець подожгли со всѣхъ сторонъ, а мы и не видѣли ни одного изъ поджигавшихъ его. Огонь показался одновременно въ двѣнадцати мѣстахъ и вырывался изо всѣхъ оконъ чердака. Генераль тотчасъ потребовалъ сапѣровъ, чтобъ расчленивъ пожаръ, но безъ пожарныхъ трубъ и даже воды достигнуть этого была полная невозможность. Вдругъ мы увидѣли нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ у многихъ горѣли еще несомые ими факелы, тайкомъ выбиравшихся изъ подвального этажа, черезъ выходъ подъ парадными лѣстницами. Мы ихъ изловили, такъ какъ они и оказались поджигателями дворца, числомъ 21 человѣкъ. Кромѣ того 11 человѣкъ были задержаны съ другой стороны дворца, но у этихъ не было ничего такого, что указывало бы на ихъ участіе въ поджогѣ, да они шли не изъ дворца; а между тѣмъ больше половины ихъ оказались каторжниками.

Мы успѣли спасти нѣсколько картинъ и другихъ драгоценныхъ предметовъ, между прочимъ императорскія мантии на горнастаевомъ мѣху; но немало цѣнныхъ вещей пришлось бросить.

Одновременно съ пожаромъ поднялся такой вѣтеръ, что минутъ черезъ десять все пылало вокругъ насъ, и только къ двумъ часамъ утра намъ удалось выбраться изъ этого ада, послѣ того, какъ всѣ изящныя, но деревянныя, постройки этого огромнаго квартала сдѣлались жертвою пламени, на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, въ полъ-мили. Нѣсколько человѣкъ изъ нашего отряда были ранены обломками пылавшаго дерева, которые расшвыряло вѣтромъ съ страшнымъ трескомъ и шумомъ.

Мы пустились въ обратный путь, къ Кремлю, съ 32 плѣнниками, и такъ какъ я былъ въ ночномъ нарядѣ, то мнѣ и пришлось вести ихъ въ аріергардѣ. Намъ вѣрно было закалывать штыками тѣхъ изъ нихъ, которые попытались бы бѣжать или не захотѣли добровольно слѣдовать за нами.

Болѣе половины этихъ несчастныхъ были каторжники съ мрачными лицами; остальные принадлежали къ среднему сословію жителей,

или къ составу полиціи, какъ это было видно по ихъ форменной одеждѣ.

Я примѣтилъ дорогою между плѣнными одного человѣка, въ опрятной зеленой шинели, плакавшаго какъ ребенокъ и не перестававшаго восклицать на хорошемъ Французскомъ языкѣ: „Господи, Господи, жена моя и сынъ погибли въ пожарѣ!“ При этомъ мнѣ казалось, что онъ больше жалѣеть о сынѣ. На мой вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ родомъ Швейцарецъ изъ Цюриха, болѣе семнадцати лѣтъ преподававшій въ Москвѣ Французскій и Нѣмецкій языки. Проговоривъ это, онъ снова зарыдалъ повторяя въ отчаяніи: „бѣдный мой, дорогой мой сынъ!“...

Мнѣ страшно стало его жалко, и я утѣшалъ его, что, можетъ, жена его и сынъ не погибли; и тутъ же рѣшилъ спасти его, зная, что ему, какъ всѣмъ прочимъ плѣнникамъ, предстояла казнь на смерть. Съ нимъ рядомъ шли двое, крѣпко державшіе другъ друга за руку. Швейцарецъ-учитель сказалъ мнѣ, что это отецъ съ сыномъ, оба портные по ремеслу, и что онъ завидуетъ имъ, что они не разлучены и умрутъ вмѣстѣ. Понимая по-французски, бѣдный зналъ, какая ихъ всѣхъ ожидаетъ участь, по услышанному относительно ихъ приказу.

Среди нашего съ нимъ разговора, онъ вдругъ остановился, блуждающимъ взглядомъ сталъ смотрѣть вокругъ и даже не отвѣчалъ на мой вопросъ, чтò съ нимъ, а только нѣсколько минутъ послѣ, испустивъ глубокій вздохъ, онъ пояснилъ мнѣ, что искалъ увидѣть то мѣсто, гдѣ стоялъ его домъ, узнавъ его по уцѣлѣвшей еще печи. Кстати сказать, не только въ самомъ городѣ, но и за городомъ, было ночью такъ же свѣтло, какъ днемъ. Въ это самое время, голова колонны нашей, предшествуемая отрядомъ Польскихъ уланъ, должна была остановиться; улица была узкая и вся завалена разными обвалами, преградившими путь. Я воспользовался этой остановкой, чтобъ позволить несчастному Швейцару осмотрѣть, не найдеть-ли онъ на пепелищѣ своего дома трупы жены и сына, и предложилъ ему пойти съ нимъ на то мѣсто. Сначала мы не нашли ничего могущаго убѣдить въ гибели ихъ, и я сталъ уже утѣшать его, что, вѣрно, имъ удалось спастись, какъ вдругъ я замѣтилъ у входа въ подвалъ что-то безформенное, черное, оказавшееся трупомъ, послѣ того что я освободилъ его отъ всего, чтò его покрывало. Онъ въ такомъ уже былъ видѣ, что я, не имѣя времени, не могъ разобрать даже, мужской ли онъ или женскій. Несчастный, стоявшій сначала возлѣ меня въ столбнякѣ, закричалъ и упалъ, какъ снопъ, на мостовую. Я поднялъ его съ по-

мощью бывшихъ при мнѣ солдатъ и привелъ его въ чувство, послѣ чего онъ бросился, какъ безумный, вокругъ мѣста, гдѣ стоялъ его домъ, призывая сына и, какъ камень, свалился въ глубину подвала, куда я ужъ не пожелалъ послѣдовать за нимъ. Я поспѣшилъ къ отряду, подъ печальнымъ впечатлѣніемъ всего только что видѣннаго. Одинъ изъ моихъ товарищей спросилъ у меня, куда я дѣлъ говорящаго по-французски плѣнника. Я передалъ ему весь ужасъ положенія этого несчастнаго и предложилъ пойти на мѣсто, гдѣ я его оставилъ, такъ какъ отрядъ нашъ все еще не могъ двигаться. Мы остановились у входа въ подвалъ, откуда неслись страшные стоны и куда мой товарищъ предложилъ спуститься, чтобъ оказать помощь бывшему тамъ. Но я вѣдь зналъ, что, оставъ онъ подвалъ, ему быть разстрѣляннымъ по приходѣ нашемъ къ Кремлю; поэтому я остановилъ товарища въ его намѣреніи, подъ предлогомъ, что очень опасно безъ огня идти въ такое темное мѣсто. По счастью, тутъ же раздался приказъ: „Стройся“ что означало, что отрядъ могъ продолжать путь; но мы съ товарищемъ могли остаться еще нѣсколько минутъ, пока лѣвая часть колонны дѣлала передвиженіе; а когда, наконецъ, мы стали уходить, то услышали за собой шаги. Я обернулся и съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собой несчастнаго Швейцарца, похожаго скорѣе на привидѣніе, съ мѣхомъ въ рукахъ, которымъ (поленилъ онъ мнѣ) онъ обернетъ трупы жены и сына. Трупъ, лежавшій у подвала, оказался трупомъ его жены, а сына онъ нашелъ метрвымъ въ подвалѣ, но еще не обгорѣлаго. Я посоветовалъ ему вернуться въ подвалъ и обождать, пока мы уйдемъ, чтобъ затѣмъ привести въ исполненіе свой тяжкій долгъ. Не знаю, понялъ-ли меня несчастный, но намъ нужно было спѣшить уходомъ.

Къ Кремлю мы подошли въ пять часовъ утра. Плѣнниковъ нашихъ мы размѣстили въ надежное мѣсто; но, при этомъ, я распорядился оставить отца съ сыномъ обоихъ портныхъ, подъ мою отвѣтственность, за мой страхъ. Предусмотрительность моя вполне оправдалась, какъ вы увидите послѣ, такъ какъ они принесли намъ большую пользу за время нашего пребыванія въ Москвѣ.

20-го числа пожаръ сталъ стихать. Маршалъ Мортъё, губернаторъ города, и генералъ Мило (Milhaud) комендантъ, дѣятельно принялись за устройство полиціи. Они съ этой цѣлью употребили въ дѣло Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Французовъ, которые скрывались до нашего вступленія въ Москву, не захотѣвъ подчиниться распоряженію Рабочина, принуждавшаго ихъ всѣхъ выѣхать изъ города.

Въ полдень, посмотрѣвъ въ окно нашей квартиры, я увидѣлъ, какъ разстрѣливали одного изъ приведенныхъ мною каторжниковъ.

Онъ не захотѣлъ стать на колѣни и, ударяя себя кулакомъ въ грудь, точно вызывалъ на бой того, отъ кого храбро пріялъ смерть.

Нѣсколько часовъ спустя, всѣхъ остальныхъ постигла таже участь.

Остальное время дня, до 7 ч. вечера, я провелъ довольно спокойно, какъ вдругъ полковой адъютантъ Делетръ прикасалъ мнѣ идти подъ арестъ за то, что я далъ уйти тремъ плѣнникамъ, вѣрнымъ моей охранѣ. Я постарался оправдаться какъ могъ и отправился въ указанное мѣсто ареста, гдѣ уже сидѣли прочіе унтеръ-офицеры. Поразмысливъ обо всемъ происшедшемъ, я не раскаялся въ томъ, что спасъ жизнь тремъ несчастнымъ: такъ я былъ убѣжденъ, что они ни въ чемъ не повинны.

Комната, въ которой я былъ посаженъ, имѣла выходъ въ узкую галерею, соединявшую ее съ другимъ домомъ, полусожженнымъ, въ который никто поэтому и не заглянулъ. Я же примѣтилъ, что часть зданія сохранилась и, отъ нечего дѣлать, поинтересовался обслѣдовать ее. Пройдя до конца галереи, я очутился передъ запертою дверью, за которой слышалъ шумъ и говоръ, на незнакомомъ мнѣ языкѣ. На мой стукъ, въ комнатѣ водворилась тишина, и двери мнѣ не отперли. Тогда я сталъ смотрѣть въ замочную скважину и увидѣлъ лежащаго на диванѣ человѣка, а близъ него двухъ женщинъ, пытавшихся, какъ мнѣ казалось, заставить его молчать. Немного понимая по-польски, по сходству этого языка съ Русскимъ, я сталъ просить воды и постучалъ вторично, но также безуспѣшно, и только послѣ повторенія моей просьбы о водѣ и сильнаго удара ногой въ дверь мнѣ ее открыли.

Только что я вошелъ, женщины спрятались въ смежную комнату, человѣкъ же лежавшій на диванѣ оставался недвижимъ. Я тотчасъ призналъ въ немъ каторжника, по его гнусному, грязному виду и странной одеждѣ, а также и по двумъ факеламъ лежавшимъ близъ него. За поясомъ у него было нѣсколько пистолетовъ, которыми я тотчасъ завладѣлъ; а однимъ изъ факеловъ, толщиною въ руку, я такъ его хватилъ по боку, что онъ открылъ глаза. Увидя меня, онъ вскочилъ съ намѣреніемъ броситься на меня; но, вмѣсто этого, шлепнулся, растянувшись во весь ростъ. Я приставилъ къ нему дуло одного изъ его же пистолетовъ, что заставило его вновь попытаться встать, глядя на меня безмысленнымъ взоромъ. Хотя онъ вторично упалъ, но все же ему удалось стать на ноги. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ, и я вывелъ его въ галерею, гдѣ, дойдя до лѣстницы, крутой какъ пожарная, столкнулъ его по ней, какъ боченокъ, къ самымъ дверямъ караульной.

Часовые подобрали его и сволокли въ помѣщеніе, куда запирали подобныхъ ему злодѣевъ. Больше о немъ я уже ничего не слышалъ.

Затѣмъ я вернулся въ комнату, откуда его вывелъ, заперъ за собой дверь на ключъ и тщательно осмотрѣлъ, не грозитъ-ли мнѣ въ ней какая опасность, и только послѣ этой предусмотрительности вошелъ въ комнату, куда скрылись обѣ женщины. Я нашелъ моихъ Дульциней сидящими на диванѣ, и мой приходъ нисколько не удивилъ ихъ. Я ничего не могъ понять изъ того, что онѣ обѣ лопотали одновременно; но заставилъ ихъ понять, нѣтъ-ли у нихъ чего мнѣ поѣсть. Тогда онѣ тотчасъ принесли мнѣ огурцовъ, луку, большой кусокъ соленой рыбы, немного пива, но ни ломтя хлѣба. Немного спустя, младшая изъ нихъ (онѣ оказались сестрами) принесла мнѣ бутылку какого-то вина, которое называла „Kosalki“, а оказалось, что это простая Данцигская можжевеловая водка, которую мы покончили менѣе чѣмъ въ полчаса. Москвички мои перегоняли меня въ этомъ. Посидѣвъ съ ними, я вернулся къ себѣ комнату, гдѣ засталъ давно поджидавшаго меня унтеръ-офицера нашей роты.

Когда я ему рассказалъ о моихъ приключеніяхъ, онъ пересталъ удивляться моему исчезновенію и пришелъ въ восторгъ, что случай посылаетъ намъ двухъ женщинъ, которыя, конечно, почтутъ себя польщенными мыть и чинить бѣлье на Французовъ: дѣло, на которое никого по сіе время не находилось. Такъ какъ мы не хотѣли, чтобы кто-нибудь узналъ о нашихъ красавицахъ, то послали за ними фельдфебеля только въ 10 ч. вечера, когда всѣ уже улеглись. Не зная, куда онъ хочетъ ихъ вести, онѣ стали упираться и объяснили ему, что просятъ меня придти за ними. За мной онѣ охотно послѣдовали въ приготовленную имъ комнату, оказавшуюся въ нашемъ распоряженіи и убранную нами очень прилично всѣмъ, что мы нашли въ ихъ помѣщеніи, а также и всѣмъ тѣмъ, что досталось намъ изящнаго и красиваго отъ велико-свѣтскихъ Московскихъ дамъ, лишенныхъ возможности увезти то съ собой. Вотъ какъ и преобразились двѣ грубыя на видъ служанки въ баронесъ, которыя вопреки тому стирали и штопали наше бѣлье.

На другой день, утромъ 21-го, я услышалъ сильные ружейные выстрѣлы и узналъ, что разстрѣливали еще нѣсколько поджигателей и полицейскихъ, схваченныхъ въ то самое время, какъ они поджигали Воспитательный Домъ и госпиталь, гдѣ лежали наши раненые. Вскорѣ пришелъ фельдфебель объявить мнѣ, что я свободенъ.

Когда я вошелъ въ наше помѣщеніе, я засталъ моихъ двухъ портныхъ за дѣломъ: они выкраивали большіе воротники изъ снятаго

нашими солдатами сукна съ билліардовъ изъ кофейни, гдѣ стояла наша рота. Затѣмъ я пошелъ въ комнату нашихъ красавицъ, которыхъ увидѣлъ занятыхъ стиркою. Дѣло у нихъ шло плохо, что и неудивительно, если принять во вниманіе, что онѣ были разодѣты въ шелкъ, какъ баронессы. Но за неимѣніемъ лучшаго, приходилось довольствоваться ихъ мытьемъ.

Конецъ дня былъ употребленъ мною на устройство нашего помѣщенія и на заготовленіе провизіи, на случай нашей долгой стоянки въ Москвѣ. У насъ было запасено семь большихъ ящиковъ Шампанскаго, много Испанскихъ винъ, пятьсотъ бутылокъ рому Ямайскаго и болѣе ста головъ сахару, все это на шесть унтеръ-офицеровъ, повара и двухъ женщинъ!

Мяса перепадало рѣдко. Въ этотъ вечеръ у насъ оказалась корова. Не знаю откуда ее раздобыли; но такъ какъ мы закололи ее ночью, чтобы никто не видѣлъ, то вѣроятнѣе всего, что позволенія на ея уводъ мы не получали.

Мы открыли большой гастрономическій магазинъ, изъ котораго взяли очень много окороковъ; а ко всему этому у насъ былъ большой запасъ соленой рыбы, нѣсколько мѣшковъ муки, большая бочка сала, сперва принятаго нами за масло, и пиво въ достаточномъ количествѣ. Вотъ каковъ былъ нашъ запасъ на случай, что мы зазимуемъ въ Москвѣ.

По разъ заведенному порядку, мы каждый вечеръ въ 10 ч. дѣлали переключку. На этотъ разъ недоставало 18 человекъ. Остальная часть роты спокойно спала въ билліардномъ залѣ, на дорогихъ мѣхахъ, собольихъ, лисьихъ, медвѣжьихъ и на львиныхъ шкурахъ. У нѣкоторыхъ солдатъ головы были обмотаны дорогими шалами, въ видѣ тюрбановъ, и въ такомъ видѣ они скорѣе походили на пашей, чѣмъ на гренадеровъ; имъ только недоставало, для полного сходства, гурій.

Я протянулъ мою переключку до 11-ти ч., чтобы дать подойти не вернувшимся 18-ти солдатамъ, которыхъ вскорѣ и увидѣлъ входившихъ съ почти непосильными для нихъ ношами. Въ числѣ принесенныхъ ими драгоценностей было нѣсколько серебряныхъ пластинокъ съ рельефными на нихъ рисунками; у каждаго солдата было по слитку серебра, величиной съ кирпичъ, и много мѣховъ, Индійскихъ шалей и шелковыхъ матерій, затканыхъ серебромъ и золотомъ. Эти 18 запоздавшихъ къ переключкѣ солдатъ стали тутъ-же просить меня дозволить имъ сходить за оставленнымъ ими виномъ и фруктами въ сахаръ. Я согласился на это, и они отправились въ сопровожденіи капрала. Тутъ у мѣста сказать, что мы, сержанты, предъявляли всегда свои права на

двадцатую часть всего уцѣлѣвшаго отъ пожара; остальное шло въ раздѣлъ между солдатами.

22-ое было посвящено нами отдыху, увеличенію запасовъ, пѣнію, куренью, смѣху, вышивкѣ и прогулкамъ. Я въ тотъ же день побывалъ у одного Итальянца, торговавшаго гравюрами, домъ котораго, находившійся въ нашемъ кварталѣ, не былъ сожженъ.

23-го утромъ, во дворѣ кофейной, былъ разстрѣлянъ еще одинъ поджигатель, и намъ было приказано готовиться къ смотру на утро слѣдующаго дня. Самъ Императоръ произведетъ смотръ.

24-го, въ 8 ч. утра, мы выступили въ Кремль, гдѣ уже собрались многіе полки арміи. Въ этотъ день сдѣлано было много повышеній и роздано много орденовъ, которые были вполнѣ заслужены людьми, проливавшими не разъ кровь за отечество.

Я воспользовался представившимся случаемъ, чтобъ осмотрѣть достопримѣчательности Кремля и вошелъ въ церковь Св. Михаила, усыпальницу Русскихъ императоровъ. Въ первые дни нашего входа въ Москву, 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ держалъ караулъ въ Кремлѣ, и такъ какъ ходилъ слухъ, что въ этой церкви сокрыты большія сокровища, то многіе изъ стрѣлковъ проникли въ нее, но нашли, вмѣсто ожидаемаго, только каменные гробницы, покрытыя бархатомъ и съ надписями, на серебряныхъ доскахъ, о погребенныхъ подъ ними. Тутъ-же, между гробницъ, стрѣлки нашли нѣсколько жителей, думавшихъ найти спасеніе подъ покровомъ мертвыхъ. Между ними попалась одна очень красивая, молодая особа, принадлежавшая, какъ говорили, къ одному изъ самыхъ знатныхъ семействъ въ Москвѣ. Она имѣла глупость влюбиться въ одного изъ высшихъ офицеровъ нашей арміи и удвоила эту глупость, послѣдовавъ за нимъ при нашемъ отступленіи. Вмѣстѣ со многими другими, несчастная погибла отъ холода, голода и другихъ бѣдствій всякаго рода.

По выходѣ изъ склепа церкви Св. Михаила, я увидѣлъ знаменитый колоколъ, который осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ. Высота его до двадцати футовъ, но онъ почти на половину ушелъ въ землю вслѣдствіе собственной тяжести, когда во время пожара упалъ съ колокольни, на которой висѣлъ и фундаментъ которой еще виденъ. Сохранилась, надломленная по срединѣ, большая деревянная балка, на которой онъ висѣлъ. Тутъ же по близости находится арсеналъ, у входа въ который стояли двѣ громадныя пушки; а немного дальше, но справа отъ меня, возвышался соборъ съ девятью своими башнями или колокольнями, крытыми вызолоченною мѣдью. Крестъ на самой высокой

изъ нихъ, на Ивановской, царилъ надъ всѣмъ. Онъ былъ размѣромъ въ тридцать футовъ, сдѣланъ изъ дерева, покрытаго листами позолоченнаго серебра и прикрѣпленъ нѣсколькими цѣпями, тоже позолоченными.

Нѣсколько дней спустя, было приказано снять этотъ крестъ, чтобъ привезти его въ видѣ трофея въ Парижъ. При спускѣ его, онъ сорвался и чуть не убилъ плотниковъ и рабочихъ, которые поддерживали его за цѣпи. Тоже самое произошло при снятіи орловъ съ Кремлевскихъ башенъ.

Смотръ кончился въ полдень. Выходя изъ Кремля, мы прошли воротами, гдѣ часовня Св. Николая, о которой я говорилъ выше. Мы видѣли, какъ простолюдины молились великому Святителю, кланяясь въ землю и крестясь. По всей вѣроятности, они молили его помочь имъ преодолѣть насъ.

25-го я отправился съ нѣкоторыми товарищами побродить по развалинамъ города, и мы попадали въ невиданные еще доселѣ нами кварталы. Намъ всюду встрѣчались, на пепелищахъ, Русскіе мужики, бабы, отвратительныя Еврейки съ Евреями, а среди нихъ и солдаты нашей арміи, всѣ занятые отыскиваніемъ всякаго добра въ уцѣлѣвшихъ подвалахъ. Кромѣ найденнаго ими вина и сахару, они всѣ были нагружены шалами, кашемирами, великолѣпными Сибирскими мѣхами, златотканными матеріями, серебряной посудой и другими драгоценными вещами. Евреи съ своими женами и дѣтьми все предлагали нашимъ солдатамъ купить у нихъ то или другое; а деньги, полученные съ нашихъ, частенько бывали отняты у нихъ другими солдатами арміи.

Въ вечеръ 25-го была подожжена церковь, какъ разъ напротивъ насъ и рядомъ съ домомъ, гдѣ пребывалъ маршалъ Мортъе. Не смотря на усилія нашихъ солдатъ, не удалось ее отстоять, что особенно обидно, потому что она была въ совершенной цѣлости, и въ ней, за нѣсколько дней предъ этимъ, совершалась даже служба. Прискорбиѣ же всего было то, что въ ней погибло много несчастныхъ, скрывшихся тамъ съ остатками своего имущества.

26-го я былъ назначенъ охранять экипажи Императора, стоявшіе въ сараѣ, гдѣ-то на окраинѣ города, напротивъ большихъ казармъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара и въ которыхъ размѣстили часть нашего перваго армейскаго корпуса. До нихъ было нѣсколько верстъ, которыя я прошелъ съ моей командой среди развалинъ, все почти вдоль лѣваго берега Москвы-рѣки. Кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ отъ церквей все было

обращено въ пепель. На правомъ берегу рѣки виднѣлось нѣсколько красивыхъ усадебъ, пощаженныхъ огнемъ.

Влизъ того мѣста, гдѣ я поставилъ свой караулъ, былъ домъ не тронутый огнемъ, и я полюбопытствовалъ осмотрѣть его. Случай свелъ меня тутъ съ человѣкомъ, который говорилъ прекрасно по-французски и отъ котораго я услышалъ, что онъ родомъ изъ Страсбурга и попалъ, по несчастю, въ Москву за нѣсколько дней до нашего въ нее вступленія. Онъ торговалъ Рейнскими винами и Шампанскимъ и, какъ онъ объяснилъ мнѣ, потерялъ вслѣдствіе роковыхъ обстоятельствъ болѣе милліона рублей какъ за должниками, такъ и на погибшемъ въ пожарѣ винѣ, считая и выпитое нами, и то, которое мы продолжали попивать ежедневно. У несчастнаго не было и ломтя хлѣба, и я пригласилъ его раздѣлить со мной супъ съ рисомъ, что онъ принялъ съ благодарностью.

Въ ожиданіи мира, который всѣ считали близкимъ, Императоръ повелѣлъ устроить все въ Москвѣ такъ, какъ будто онъ намѣревался провести въ ней зиму. Начали съ организаціи госпиталей для нашихъ раненыхъ, не дѣлая впрочемъ различія между своими и Русскими ранеными.

Начали свозить въ одно мѣсто разбросанные запасы всякаго рода. Открыли для службы уцѣлѣвшія церкви. На той улицѣ, гдѣ мы были расквартированы, находилась Французская католическая церковь Св. Людовика, въ которой эмигрантъ-священникъ служилъ обѣдню. Удалось даже возстановить театръ, въ которомъ, какъ меня увѣрили, Французскіе и Итальянскіе актеры давали представленія. Не знаю, играли-ли на самомъ дѣлѣ, но знаю навѣрное, что актерамъ было заплачено за 6 мѣсяцевъ, что, конечно, было сдѣлано, чтобъ заставить Русскихъ думать, что мы рѣшились провести зиму въ Москвѣ.

27-го числа, когда я пришелъ снять моихъ караульныхъ, я былъ пріятно удивленъ, найдя у себя двухъ моихъ земляковъ, пришедшихъ повидать меня. Это были—Фламандъ, родомъ изъ Перювельца, ратникъ драгунскаго гвардейскаго полка, и Мелѣ, драгунъ того же полка, родомъ изъ Кюнде. Мы всѣ были въ этотъ день въ веселомъ настроеніи, такъ что ихъ приходъ былъ очень кстати, и мы пригласили ихъ отобѣдать съ нами и провести вечеръ.

Въ одинъ изъ своихъ многочисленныхъ, такъ сказать, „набѣговъ“, солдаты принесли намъ много костюмовъ всякихъ національностей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и очень роскошныхъ; въ числѣ ихъ

были костюмы временъ Людовика XVI. Вотъ почему мы рѣшили устроить послѣ обѣда балъ, нарядившись во всѣ эти костюмы.

Я забылъ сказать, что Фламанъ, прежде всего, сообщилъ мнѣ о страшномъ несчастіи съ командиромъ ихъ полка, храбрымъ подполковникомъ Мартò. 23-го числа онъ отправился на развѣдку въ окрестностяхъ Москвы съ двумя сотнями своихъ драгунъ и попалъ въ засаду къ трехтысячному отряду Русской кавалеріи съ артиллеріей. Самъ полковникъ Мартò былъ опасно раненъ въ этомъ отчаянномъ бою, а капитанъ и адъютантъ, тоже раненые, попали въ плѣнъ. На другой день послѣ этого сраженія полковникъ прислалъ за своими вещами, но затѣмъ мы узнали объ его кончинѣ.

Я возвращаюсь къ нашему балу, вполне костюмированному: такъ мы всѣ были наряжены.

Прежде всего мы преобразили въ маркизъ нашихъ двухъ прачекъ, при чемъ Фламану пришлось помогать имъ одѣваться, такъ какъ онѣ совсѣмъ не умѣли взяться за это. Двухъ нашихъ портныхъ мы одѣли Китайцами, я сдѣлался Русскимъ бояриномъ, а Фламанъ маркизомъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ мы до послѣдняго были въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; даже наша маркитантка, тетка Дюбуа, случившаяся тутъ въ разгаръ нашего переодѣванія, и та напялила на себя богатѣйшій нарядъ Русской барыни. Париковъ у насъ не было, а потому нашихъ маркизъ причесалъ парикмахеръ нашей роты, замѣнивъ помаду саломъ, а пудру мукою. Когда всѣ оказались наряжены какъ нельзя лучше, мы начали танцовать. Я долженъ добавить, что мы во все время одѣванія угощались крѣпкимъ пуншемъ, о которомъ позаботился, какъ старый драгунъ, мой землякъ Мелè. Маркизы и маркитантки хотя отлично переносили пуншъ, но отъ очень большихъ и частыхъ приѣмовъ стали хмѣлѣть. Вся наша музыка состояла изъ флейты, на которой игралъ фельдфебель, да изъ барабана, ей въ аккомпаниментъ. Начинали пѣсенкой:

On va leur percer les flancs,
 Ram, ram, ram plam,
 Tirelire, ram plam.

(Сейчасъ имъ пронзятъ бока...)

Лишь только заиграла музыка, и тетка Дюбуа вышла впередъ съ фурьеромъ, съ которымъ танцевала *vis-à-vis*, какъ наши маркизы, въ восторгѣ отъ нашей дикой музыки, пустились прыгать какъ Татарки, вертясь то вправо, то влѣво, вывертывая руки и ноги, шлепаясь на полъ и снова вскакивая, ну прямо какъ бѣснующіяся. Будь онѣ, при

этомъ, въ своихъ простыхъ Русскихъ платьяхъ, насъ бы онѣ не удивили; но видѣть маркизъ, у которыхъ всегда такой важный видъ, въ бѣшеннои пляскѣ было до того смѣшно, что мы помирали со смѣху, и нашъ флейтистъ не могъ даже продолжать играть. Оставался барабанъ, и онъ только еще болѣе задорилъ маркизъ, пустившихся во всю, пока онѣ не свалились въ изнеможеніи. Мы подняли ихъ, рукоплеща имъ, и вплоть до четырехъ часовъ утра не переставали пить и танцовать.

Тетка Дюбуа, какъ настоящая маркитанка, тотчасъ оцѣнила бывшее на ней платье изъ серебряной и золотой парчи, и незамѣтно скрылась съ нашего бала. Но ее увидалъ нашъ полицейскій, когда она вышла на улицу и, принявъ ее за Русскую барыню, обрадовался такому прекрасному случаю, и подошелъ къ ней, предлагая ей руку, чтобъ провести ее къ себѣ въ комнату. Но тетка Дюбуа, помня о своемъ мужѣ и подъ вліяніемъ выпитаго пунша, влѣпила ему такую здоровую оплеуху, что онъ свалился на землю и сталъ кричать „карауль!“ Солдаты взялись было за ружья, но мы, не успѣвшіе еще лечь, поспѣшили на выручку. Намъ стояло немало усилій убѣдить освирѣпѣвшаго полицейскаго, что виноватъ онъ, остановивъ такую женщину, какъ тетка Дюбуа.

28-ое и 29-ое мы были заняты заготовкою провіанта и, во избѣжаніе перехвата, днемъ ходили на развѣдку, а переносили намѣченное ночью.

30-го намъ дѣлали инспекторскій смотръ на улицѣ, передъ нашимъ помѣщеніемъ и, по окончаніи смотра, полковой командиръ предложилъ инспектору осмотрѣть наше размѣщеніе. При осмотрѣ нашей роты полковника сопровождали капитанъ, дежурный офицеръ и сержантъ, а еще и адъютантъ Рустанъ, хорошо знавшій расположеніе комнатъ, которыя онъ и отворялъ по мѣрѣ осмотра ихъ. Осмотрѣвши почти все, полковникъ спросилъ: „Ну, а какъ размѣщены унтеръ?“ — „Отлично“ отвѣчалъ адъютантъ Рустанъ, и тотчасъ ввелъ ихъ въ наши комнаты *). А мы, какъ на грѣхъ, не вынули ключа отъ двери комнаты нашихъ Дульциней, дверь, которую выдавали мы за шкафъ. Рустанъ отворилъ дверь, но увидя въ чемъ дѣло, тотчасъ заперъ ее, сунувъ ключъ въ карманъ и не проронивъ ни слова.

Когда же онъ завидѣлъ меня на улицѣ, то еще издалека показалъ ключъ и, подойдя, сказалъ со смѣхомъ: „Хорошъ товарищъ! Такія птички у него въ клѣткѣ, а онъ молчитъ! Да гдѣ вы раздобыли такихъ

*) Кстати пояснить, что мы проломали дверь для соединенія ротнаго помѣщенія съ нашимъ (*Примѣчаніе автора*).

дурь и на что онъ вамъ?“ Тогда я ему рассказалъ, гдѣ и какъ я поймалъ ихъ и какъ онѣ были намъ полезны, стирая и вычиная наше бѣлье. „Въ такомъ случаѣ, обратился онъ ко мнѣ и къ фельдфебелю, окажите товарищескую услугу, отпустите ихъ ко мнѣ на нѣсколько дней; у меня рубашки страшно грязны“. Въ этотъ же вечеръ онъ увелъ ихъ къ себѣ, и такъ какъ онѣ вернулись только черезъ недѣлю, то нужно полагать, что онѣ перемыли бѣлье всѣхъ офицеровъ.

1-го Октября сильный отрядъ нашего полка выступилъ на фуражировку, за нѣсколько миль отъ Москвы, въ большой, но деревянный дворецъ. Но вся наша добыча въ немъ ограничилась возомъ сѣна. На обратномъ пути мы встрѣтили непріятельскую конницу, гарцовавшую вокругъ насъ, но не рѣшавшуюся на серьезную атаку. Нужно сознаться, что хотя несравненно въ меньшемъ числѣ, чѣмъ непріятель, мы такъ лихо выступали, что они поняли невозможность преодолѣть насъ, выведшихъ у нихъ изъ строя нѣсколько человекъ. Конница только подъ самой Москвой отстала отъ нашего отряда.

2-го мы узнали, что Императоръ отдалъ приказъ вооружить Кремль, поставивъ 30 пушекъ и единороговъ разнаго калибра на всѣ башни Кремлевской стѣны.

3-го рабочія команды отъ cadaго гвардейскаго полка были посланы копать землю и переносить матеріаль отъ старыхъ стѣнъ, которыя разрушали наши сапѣры вокругъ Кремля, и отъ фундаментовъ, взрывааемыхъ порохомъ.

4-го была моя очередь вести нашу рабочую команду. На другой день утромъ, стоявшій около меня саперъ-полковникъ былъ убитъ кирпичемъ, при взрывѣ порохомъ одного фундамента. Въ этотъ же день, около одной церкви, я увидѣлъ нѣсколько труповъ съ обглоданными руками и ногами, что вѣроятно сдѣлано волками или собаками, коихъ было несмѣтное число.

Въ свободные отъ дежурства дни, мы проводили время, покуривая, попивая и смѣясь; вспоминали о милой Франціи, о пространствѣ, отдѣляющемъ насъ отъ нея и о возможности отойти еще дальше. А съ наступленіемъ вечера мы присоединяли къ нашему пуншу и рому двухъ нашихъ Московскихъ невольницъ, вѣрнѣе маркизъ, такъ какъ послѣ бала съ переодѣваніемъ мы ихъ иначе не называли. Попивали маркизы не хуже насъ.

Послѣдніе дни нашего пребыванія въ Москвѣ прошли въ смотрахъ и парадахъ, вплоть до того дня, когда Императоръ, дѣлая смотръ нѣсколькимъ полкамъ, узналъ отъ прискакавшаго гонца, что Русскіе

нарушили перемиріе и внезапно атаковали кавалерію Мюрата, застигнутого въ расплохъ.

Лишь только кончился смотръ, вышелъ приказъ объ выступленіи, и не прошло минуты, какъ вся армія пришла въ движеніе; но нашъ полкъ только къ вечеру узналъ, что долженъ быть готовъ къ выходу на слѣдующій день.

Передъ уходомъ мы дали нашимъ маркизамъ и двумъ портнымъ ихъ долю добычи, которую мы не могли увезти съ собой. Ужъ и кланялись они намъ за это въ землю, цѣловали намъ ноги, благодаря много разъ. Отродясь они не видѣли у себя такого богатства!

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, городъ наполнился Евреями и Русскими мужиками; первые явились, чтобы купить у солдатъ все, что тѣ не могли захватить съ собою, вторые—подобрать брошенное нами на улицахъ. Мы узнали, что маршалъ Мортъе остался съ 10.000 войска въ Кремлѣ, имѣя приказаніе защищаться, если понадобится.

Въ полдень мы двинулись въ походъ, запасшись, насколько возможно, спиртными напитками, которые помѣстили въ экипажъ нашей маркитантки тетки Дюбуа, а также въ большой серебряной вазѣ. Была почти ночь, когда мы вышли изъ города. Тотчасъ же очутились мы среди великаго количества экипажей, сопровождаемыхъ людьми разныхъ націй, слѣдовавшихъ въ три-четыре ряда на протяженіи болѣе версты. Слышались разговоры Французскій, Нѣмецкій, Испанскій, Итальянскій, Португальскій и разныхъ другой, такъ какъ шли и Русскіе мужики, а также много Евреевъ. Всѣ они въ своихъ костюмахъ и съ своимъ разговоромъ, маркитанты съ женами и плачущими дѣтьми, съ криками тѣснились другъ къ другу и производили безпорядокъ, о которомъ невозможно составить себѣ даже представленія. У нѣкоторыхъ уже сломались телѣги; они кричали и ругались такъ громко, что, казалось, голова треснетъ отъ шума. Наконецъ, не безъ труда, намъ удалось обогнать этотъ громадный поѣздъ, принадлежавшій къ нашей арміи. Мы вступили на Калужскую дорогу (тутъ мы находились въ Азіи) и почти тотчасъ же остановились бивуакомъ на ночь въ лѣсу, а такъ какъ было уже очень поздно, то и отдыхъ нашъ былъ коротокъ.

Едва забрежжило, какъ мы снова двинулись въ путь. Не пройдя и версты, мы снова натолкнулись на большую часть злосчастнаго поѣзда, опередившаго насъ пока мы отдыхали. Уже большинство экипажей было сломано, а остальные не могли двигаться, потому что дорога была песчаная и колеса глубоко уходили въ песокъ. Слышались крики

на Французскомъ, ругань на Нѣмецкомъ, молитвы на Итальянскомъ и призыванія Пресвятой Богородицы на Испанскомъ и Португальскомъ языкахъ.

Обогнавъ весь этотъ хаосъ, мы принуждены были остановиться, чтобы подождать лѣвое крыло колонны. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы освидѣтельствовать свой мѣшокъ, который казался мнѣ слишкомъ тяжелымъ, и посмотреть, нельзя ли что нибудь выбросить для облегченія его. Онъ былъ довольно хорошо наполненъ: у меня было нѣсколько фунтовъ сахару, рисъ, сухари, пол-бутылки ликеру, женскій Китайскій костюмъ изъ шелковой матеріи, серебряная и зологая парча, нѣсколько серебряныхъ и зологихъ украшеній, между прочимъ кусокъ креста Ивана Великаго*), т. е. кусокъ чехла, его покрывавшаго, изъ позолоченнаго серебра (его далъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ кровельщиковъ и плотниковъ, которые были отряжены для снятія креста).

Былъ у меня еще парадный мундиръ и большой женскій капотъ, служашій для верховой ѣзды (этотъ капотъ былъ орѣховаго цвѣта, подбитый зеленымъ бархатомъ, а такъ какъ я не зналъ его употребленія, то воображалъ, что женщина, носившая его, была ростомъ въ шесть футовъ); сверхъ того двѣ серебряныя картины, длиною въ футъ, шириною шесть дюймовъ, съ барельефными фигурами: одна изъ нихъ изображала судъ Париса на горѣ Идѣ, другая представляла Нептуна въ колесницѣ въ видѣ раковины, везомаго морскими конями. Обѣ картины были тонкой работы. Потомъ нѣсколько медальоновъ и орденская лента Русскаго князя, украшенная брилліантами. Всѣ эти предметы предназначались въ подарокъ и были найдены въ подвалахъ разрушенныхъ пожаромъ домовъ.

Какъ видно, мѣшокъ не могъ быть легокъ, и для облегченія его я выбросилъ свои бѣлые штаны, предвидя, что они мнѣ не скоро понадобятся. На мнѣ, поверхъ рубашки, былъ желтый стеганный жилетъ, сдѣланный мною самимъ изъ женской юбки, большая горностаевая накидка, охотничья сумка на широкой серебряной лентѣ, содержавшая нѣсколько предметовъ, между прочимъ серебряное вызолоченное распятіе и маленькую Китайскую фарфоровую вазочку. Эти два предмета какимъ-то чудомъ спаслись отъ погрома; они у меня до сихъ поръ, и я храню ихъ какъ заветныя. Кромѣ того пороховница, оружіе и 60 патроновъ. Прибавьте къ этому здоровье, веселость, добрую волю

*) Я забылъ сказать, что въ серединѣ креста Ивана Великаго находился другой крестъ изъ литого золота длиною въ футъ.

и надежду полюбозничать съ Монгольскими, Китайскими и Индѣйскими дамами, и вы составите себѣ представленіе о сержантѣ легкихъ ратниковъ Императорской гвардіи *).

22-го ночью мы услышали сильный взрывъ и въ послѣдствіи узнали, что это былъ взрывъ Кремля, произведенный маршаломъ Мортье, положившимъ громадное количество пороху въ его подвалы. Мортье ушелъ изъ Москвы съ своими десятью тысячами черезъ три дня послѣ насъ.

25-го утромъ я стоялъ съ ночи на часахъ у небольшого уединеннаго домика, гдѣ помѣстился и ночевалъ Императоръ. Солнце едва показалось изъ густого тумана, какъ это часто бываетъ въ Октябрѣ, какъ вдругъ, не предупредя никого, Императоръ сѣлъ на лошадь. Едва онъ уѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ ординарцевъ, какъ послышался сильный шумъ; одну минуту мы думали, что это крики: „да здравствуетъ Императоръ“, но услышали крики „къ оружію“. Это было 6.000 казаковъ подъ предводительствомъ Платова, которые, воспользовавшись туманомъ и оврагами, кинулись на насъ съ криками „ура“. Тотчасъ гвардейскіе эскадроны бросились въ долину, мы послѣдовали за ними и для сокращенія дорѣги пошли прямо черезъ оврагъ. Черезъ минуту мы встрѣтились съ этой тучею дикарей, которые были какъ волки, и они отступили. Наши эскадроны настигли ихъ и отобрали захваченныя ими вещи и повозки, съ большимъ урономъ для нихъ.

Когда мы вступили въ долину, то увидали Императора почти среди казаковъ, окруженнаго генералами и ординарцами, изъ которыхъ одинъ былъ опасно раненъ въ слѣдствіе роковой ошибки: въ ту минуту, какъ наши эскадроны появились въ долину, нѣкоторые офицеры принуждены были, защищая себя и Императора, находившагося среди нихъ и едва не попавшагося въ плѣнъ, вступить въ рукопашный бой съ казаками. Одинъ изъ ординарцевъ, убивъ казака и поранивъ нѣсколькихъ, потерялъ въ схваткѣ шапку и саблю. Очутившись безоружнымъ, онъ кинулся на казака, выхватилъ пикъ и сталъ ею защищаться. Въ эту минуту его замѣтилъ конный гренадеръ гвардіи и, принимая его, по зеленой шинелѣ и пикѣ, за казака, набросился на него и разсѣкъ его саблею.

Я помню, что послѣ этой схватки Императоръ, разговаривая съ королемъ Мюратомъ, смѣясь говорилъ, что едва не попалъ въ плѣнъ.

*) По причинѣ блокады материка ходилъ въ армію слухъ, что мы пойдемъ въ Монголію и Китай, чтобы захватить Англійскія владѣнія.

28-го мы двинулись въ походъ раннимъ утромъ и днемъ, перейдя маленькую рѣчку, очутились на знаменитомъ полѣ битвы, еще покрытомъ убитыми и всякаго рода обломками. Изъ земли торчали ноги, руки, головы; почти всѣ трупы были Русскихъ, потому что свои, по мѣрѣ возможности, мы предали погребенію. Но такъ какъ это дѣлалось на спѣхъ, то прошедшіе дожди, размывъ землю, обнажили часть труповъ. Чтò можетъ быть печальнѣе вида этихъ труповъ, едва сохранившихъ человѣческой обликъ? Прошло 52 дня со время битвы.

На слѣдующій день проходили мы близъ монастыря, служившаго госпиталемъ для нашихъ раненыхъ во время битвы. Многіе изъ нихъ находились еще тамъ. Императоръ отдалъ приказъ размѣстить ихъ во всѣ экипажи, начиная со своихъ; но маркитанты, которымъ поручили нѣсколько несчастныхъ, бросали ихъ подъ разными предлогами на дорогѣ, чтобы имѣть возможность сохранить награбленное ими въ Москвѣ. Эту ночь мы провели въ лѣсу подъ Гжатскомъ, гдѣ остановился Императоръ. Ночью въ первый разъ выпалъ снѣгъ.

Дорога была усыяна драгоценными предметами, какъ то: картинами, канделябрами и множествомъ книгъ; въ продолженіи часа пути подбиралъ я ихъ, проглядывалъ и снова бросалъ; другіе подбирали ихъ и дѣлали тоже самое. Это были изданія Вольтера, Руссо, Естественная Исторія Буффона, переплетенные въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ.

Одинъ Португальскій унтеръ-офицеръ подошелъ къ намъ погрѣться; я спросилъ, гдѣ его полкъ; онъ отвѣчалъ, что полкъ разсѣянъ, и ему поручено съ отрядомъ сопровождать семьсотъ-восемьсотъ Русскихъ плѣнныхъ, которые, не имѣя пищи, принуждены поѣдать другъ друга т. е., какъ только кто изъ нихъ умиралъ, они рѣзали его на куски и дѣлили между собою. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ онъ предлагалъ мнѣ показать это; я отказался. Это происходило шагахъ въ ста отъ насъ; нѣсколько дней спустя, мы узнали, что оставшихся въ живыхъ отпустили, не будучи въ состояніи ихъ прокормить.

*

Адріанъ Бургонъ, отецъ котораго торговалъ полотномъ въ одномъ изъ городовъ сѣверной Франціи, родился въ 1785 году и умеръ въ Валансиенѣ 15 Апрѣля 1867 года. Онъ принималъ участіе во многихъ Наполеоновыхъ войнахъ, у насъ былъ уже раненый. Наполеонъ III-й далъ ему пенсію въ 1200 франковъ. Записки свои онъ написалъ еще въ 1813 году, когда находился въ плѣну въ Пруссіи. Возвратившись на родину, онъ продолжалъ торговлю отца своего и пользовался уваженіемъ и любовью согражданъ. П. Б.

